

Галина Череди́й

Связанные поневоле

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Галина Валентиновна Чередий

Связанные поневоле

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42072978

SelfPub; 2019

Аннотация

Слишком резкая, слишком умная, колючая... Неудобная для начальства, жесткая для подчиненных и коллег, вроде невзрачная на первый взгляд. Но только на секунду задержав на ней свой взгляд, на полвдоха поглотив ее запах, раз столкнувшись с ней взглядом, я понял, что пропал навсегда. Что за демоны владеют ее душой, что, даже невольно став моей парой, она бежит от меня, скрывает свои мысли, отрицает нашу связь, отказывается подпустить слишком близко. Что за смертельные секреты хранит меченая мною половинка? Для обложки использована иллюстрация с сайта [pisaxbay](http://www.pisaxbay.com). Содержит нецензурную брань.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	8
Глава 2	18
Глава 3	27
Глава 4	35
Глава 5	47
Глава 6	59
Глава 7	74
Глава 8	91
Глава 9	98
Глава 10	111
Глава 11	129
Глава 12	140
Глава 13	154
Конец ознакомительного фрагмента.	165

Пролог

Наверняка вам попался этот избитый и заезженный сюжетик.

Типа, чудная девушка приезжает потусить с подружками в Лас-Вегас и просыпается утром с жутким похмельем, обручальным кольцом на пальце и обалденно сексуальным парнем в постели, у которого на конечности аналогичное украшение.

А дальше милое развитие отношений: сначала ссоры, потом розовые сопли, и в завершении будет им счастье. И в конце читательницы вздыхают в умилении... Ах, какая любоф-ф-фь! Боже, какая романтика!

Интересно, если бы главная героиня проснулась не с официально сексуальным красавцем с телом бога, а, скажем, с конченым дрыщом или старым, плохо пахнущим богатым папиком, ну или фиг с ним, с красавчиком, но который окажется маньяком-рецидивистом, сюжет казался бы столь же романтическим? Даже если каждый из них впоследствии проявил себя бы необыкновенно душевным, добрым, щедрым и заботливым?

Но это отклонение от темы. Я о другом.

Представьте то же самое, ну, только без Вегаса и пьянки, просыпаетесь вы не в суперском люксе отеля, а в так себе приличной, типа, охотничьей хижине современного об-

разца. И рядом с вами так же, как в романе, дрыхнет лицом в подушку абсолютно голый мужик. И надо признать, что вид сзади очень даже аппетитен. Даже в таком расслабленном состоянии есть возможность проследить взглядом озабоченной нимфоманки очертание каждой мышцы на широкой спине, а за такую классную задницу так и хотелось бы укусить, будь обстоятельства другими. И кольца у меня на пальце нет, но я точно знаю, что этот роскошный самец – мой муж, хотя понятия не имею, как его зовут, и даже как выглядит его лицо.

И почему, вы думаете, я не вздыхаю от счастья и умиления, неожиданно-счастливо обретя такое загорело-мускулистое сокровище и мужское совершенство в качестве законного супруга?

Да потому, что нагло дрыхнувший мужик – Изменяющий облик, как, впрочем, и я. И прошлой ночью мы умудрились найти друг друга в животном облике и имели дурость заняться сексом.

Ну, и что, скажете вы?

Оно все бы ничего, будь мы людьми, решившими просто отвести душу, устроив случайный трах. Или, например, даже будь мы Изменяющими Облик, но не подходящими друг другу.

Тогда все, что нам грозило бы утром, – это неловкое прощание, да и того всегда можно избежать.

Но нет же! Я, в преддверии полнолуния, закинув, как

обычно, в машину рюкзак и спальный мешок, что всегда держу наготове, и предупредив на работе, что буду отсутствовать три дня, свалила из города. Вообще-то, в штате земляной белки, больше известном как Северная Дакота много мест где такая, как я, может найти достаточно пространства чтобы можно было пережить полнолуние. Для меня всегда вопрос был в другом. Моей волчице хватало мозгов избегать людей, а вот насчет собственных соплеменников я в ней не была уверена. Поэтому у меня уже давно есть одно место, реальная глухомань, причем всего в часе езды от Фарго, где я на сто процентов знала, что и близко нет мне подобных. Уже три года я отправляюсь туда пережить полнолуние и побегать среди лесов и болот. В отличие от широко известного национального парка Рузвельта, сюда не перли туристы, чтобы любоваться красотами. Дорога была отвратной, что опять же мне только на руку. И все это время мне удавалось избегать во время Изменения не только людей, но и соплеменников, что несказанно меня радовало.

И вот надо же, посмотрите, что случилось! Я проснулась сегодня, придавленная к кровати мощным бедром этого незнакомого типа, а его мускулистая ручища по-хозяйски обвивала мою талию. И я чувствую, как на плече огнем горит парная метка и как в каждую мою клетку просачиваются его чертовы гормоны, изменяя мой запах и саму сущность.

И это настоящая, мать ее, катастрофа. Просто долбаный Армагидец и конец всему! Моя жизнь окончена!

Почему?

Да потому что у Изменяющих облик нет разводов или расставаний по договоренности. Я теперь не просто замужем за мужиком, о котором знаю только, что у него накачанная спина и роскошная задница. Я связана с ним до конца наших гребаных жизней. Это просто окончательный песец!

Вот интересно, я смогу удавить его подушкой, пока он не проснулся?

Глава 1

Я еще стояла и размышляла о том, в какой же глубокой заднице оказалась без права на досрочное освобождение, а мужик на постели, протонав, резко поднял голову. Он какое-то время оставался неподвижным, видимо, как и я вначале пытаюсь сообразить, где он и с кем. И я, что б мне на фиг ослепнуть, не могла не заметить, как напряглись мышцы на его спине, руках и бедрах (и можно я упущу упоминание о филейной части?) так, словно он готовился к прыжку. Потом он принялся, напрягся еще больше и издал низкий утробный рык, от которого задрожали мои внутренности, и, кажется, слегка задребезжали стекла.

Ага, похоже, милашка тоже сообразил, что жизнь – та еще редкостная сучка!

– Что, утро добрым не бывает? – проговорила я, и он сел так резко, что у меня в глазах это движение смазалось.

Мужик... хотя, точнее будет сказать, мой муж уткнулся тяжелым взглядом в меня и молча принялся проводить осмотр, начиная от пальцев на ногах и выше, так сказать, по списку.

Я стояла совершенно голая, потому как моя одежда осталась у моей машины, а где находилась я в данный момент – даже примерно не представляла. Вот почему наука до сих пор не придумала какого-нибудь навигационного устройства

для таких, как я? Чтобы каждый раз, очнувшись, хоть знать, где находишься и куда податься. Может, потому, что для официальной науки мы не существуем?

Я, несколько не смущаясь пристального досмотра моего голого тела (ага, поздновато как-то начинать стесняться), изучала результат своей неисправимой оплошности в ответ. Ну, что сказать? Если брать охренительную внешнюю привлекательность за мерило счастья, то мне следует прямо на месте обделаться от того, сколько мне его привалило сразу и одномоментно. Мужчина передо мной, несмотря на то, что он заспан, слегка помят и ко всему прочему необычайно мрачен, обладал прямо-таки сногшибательным, чисто самцовым магнетизмом, я уже не говорю о просто совершенном теле и чрезвычайно красивом лице. Его изучающие меня глаза яркого золотисто-карего цвета и сейчас были прищурены и явно не светились радостью. Ноздри его прямого, с едва заметной горбинкой носа трепетали, так как он продолжал ловить наши запахи, видимо, еще находясь в процессе осознания, до какой же степени мы влипли.

Его рот – жесткий, четко очерченный и довольно крупный, а губы, похоже, прокушены в нескольких местах и выглядели слегка припухшими после наших ночных безумств. Я невольно облизнула свои, ощущая, что они не в лучшем состоянии, и я наверняка сейчас просто сказочно выглядела с моими и без того не тоненькими губами. Неожиданное видение этого его рта, обрушивающегося на меня снова и сно-

ва повсюду, прострелило мой мозг, и я едва сдержалась, чтобы не вскрикнуть. Волна тягучего плотского желания прокатилась по мне от макушки до пяток и потом сконцентрировалась в низу живота. Прекрасно! Похоже, чертовы гормоны пары начали свое победное шествие по моему телу и бедненькому разуму. Что же, я всегда отвлеченно задавалась вопросом: как это должно ощущаться, и, видимо, вот и ответ. Но, черт возьми! Я же интересовалась этим в чисто научно-познавательных целях и никогда не планировала испытать это на себе! Млин, я ведь считала себя достаточно умной и предусмотрительной, чтобы избежать всей этой хрени со связыванием!

Кстати о гормонах... Я резко подняла глаза в надежде, что, может, во мне этой ночью оставалась хоть капля разума, не побежденного животными инстинктами, но тут же была вынуждена разочароваться. На его плече ближе к ключице явственно виднелась моя метка. Причем, судя по яркости и интенсивности, сил я не пожалела. Тупая идиотка!

– Похоже, я реально облажался, – низким хриплым голосом, наконец, проговорил мой свежеприобретенный супруг, моля пожри его шкуру.

– Это ты после того, как меня рассмотрел, понял? – усмехнувшись, спросила я.

– Что?! – мужчина нахмурился, явно еще не проснувшись окончательно.

А может, он у меня по жизни одноклеточный, и мысли-

тельный процесс не его сильная сторона? Повезло же мне тогда!

– Говорю, что ты тут не один такой, млин, счастливчик.

Он поднялся, и я просто вынуждена лицезреть полную картину, которая включала в себя и мощную грудь с коричневыми, плоскими сосками, и пресс, выглядящий так, словно его вырезал твердой рукой помешанный на мужских торсах скульптор. Вот ненавижу всех этих качков, которые проводят полжизни в залах, «прорабатывая» каждый долбаный кубик и, проходя мимо зеркальных витрин в городе с девушкой, смотрят исключительно на себя любимых. А еще они обожают надевать такие футболочки в облипочку, чтобы даже в одежде были заметны результаты их непомерных потных усилий. Фу-у-у!

Но почему-то при взгляде на тело моего случайно приключившегося мужа даже мысли о зале не возникло. Вот просто зуб даю, что он отродясь там не был. Как, впрочем, и я. Конечно, особо гордиться нечем, ведь это наша физиология Изменяющих облик делает для нас понятие целлюлита или плохой физической формы просто невозможным. Другой обмен веществ и то, сколько энергии тратится на Изменение, и эти пробежки не оставляют никакого шанса хоть грамму лишнего жира. Проще говоря, я могу жрать, как лошадь, весь месяц, и все это просто сгорит за три дня полнолуния. Но есть и минус, и существенный. Если мы не накапливаем достаточно энергии, то, изменившись, становим-

ся реально опасными для всего живого, что окажется поблизости, пока мы в животной форме.

Мужчина сложил на груди руки, привлекая мое внимание к бугрящимся мускулам на его руках и заодно к следам моей... м-м-м, так сказать, ночной активности на его гладкой коже. Его руки от кистей и до плеч сплошь покрыты замысловатой вязью татуировок. Насколько я помню, это называется «рукава». Еще одна тату в виде оскаленной волчьей морды обнаружилась на его шее, буквально прикрывая горло. Художник, делавший ее, похоже, настоящий мастер, потому как при любом движении шеи моего свежеприобретенного супруга волчья морда изменяла выражение, а когда он, разминая мышцы, чуть откидывал голову, создавался эффект того, что волк угрожающе распахивает пасть в жуткой угрозе. Выглядело настолько достоверно, что спросонья и обделаться можно, взглянув на такое. Я пробежалась взглядом ниже.

Господи, прости, я его что, сожрать пыталась или засосать насмерть? Я зачем-то старалась сосчитать следы от укусов и засосы, пока не опустила взгляд настолько низко, чтобы понять, что либо смотрела я слишком пристально, либо этот мужчина очень быстро восстанавливался. Вот лично у меня болело все изнутри и снаружи, во всех возможных и невозможных местах! Такое чувство, что меня сбил грузовик и, вернувшись, еще пару раз проехался для верности! А этому, похоже, хоть бы что!

Резко вернулась наверх и наткнулась на мрачное выражение лица, но при этом в его глазах, могу поклясться, пляшут наглые бесенята.

– Ты разглядывала меня. – Это не вопрос. – Ну, ничего страшного. Я не возражаю. Знаю, какое впечатление произвожу на женщин.

О, да ладно? Мой долбанный супруг – самовлюбленная задница? Господи, за что? Я закатываю глаза и отворачиваюсь.

– Ты это серьезно? Ты правда настолько сосредоточен на собственной неотразимости?

– А хочешь сказать, что тебе не понравилось увиденное?

– О, я тебя умоляю! Только этого дерьма мне сейчас кроме всего прочего не хватало!

Я решительно обошла этого Нарцисса и, стянув с кровати простынь, обмоталась ею. Он проследил за мной взглядом и насмешливо хмыкнул.

– Очень своевременно – пробормотал он. – Как будто я хоть что-то не успел рассмотреть.

– Типа, меня это и в самом деле волнует. Нам нужно поговорить, и, может, ты тоже сделаешь любезность и хоть прикроешься?

– А смысл? Не вижу причины прятаться от тебя, учитывая обстоятельства. Хотя я в любом случае не стал бы. Для чего скрывать нечто по-настоящему стоящее? – нагло ухмыльнулся этот му... муж, короче.

И он плюхнулся на кровать, раскидываясь вальяжно и

чувствуя себя абсолютно комфортно.

– Просто я привыкла вести диалог с людьми, на которых есть хоть что-то из одежды.

– Ну, мы с тобой не люди, пупсик! – подмигнул он мне.

Пупсик? Боже, этого не может быть! Этого не происходит со мной!

Черт, Изменяющие облик всегда верили в то, что провидение и природа не ошибаются и сводят в пару только тех, кто идеально подходит друг другу и реально способны полюбить очень быстро и навсегда. Но, похоже, это не мой случай! Никогда не смогу полюбить мужчину, который будет мне так похабно подмигивать и называть чертовым пупсиком. Впрочем, это не единственный случай, который я знаю, когда судьба попадала впросак с этой парной хренью.

– Меня зовут Юлали. И очень прошу тебя обойтись без всяких пупсиков и кошечек. Не нужно этого презрительно-ласкательного дерьма, – попросила я, нахмуриваясь и стараясь не опускать глаза ниже его подбородка.

– А ты у меня злючка, да, Лали-детка? – И он все же накинул край простыни на свои бедра.

– Юлали! И никак по-другому! И не стоит так опрометчиво зачислять меня в «детки». Могу я узнать твое имя?

– О, ты такая вся из себя серьезная и задаешь парню вопрос об имени только после того, как провела с ним ночь самого офигенного секса в своей жизни? Не находишь, что это несколько распушенно с твоей стороны?

Придурок решил пошутить? Лучше бы вообще молчал. Хотя нет. Когда он молчит, я на него пялюсь, и у меня разжижаются мозги. Но как только он открывает рот, все очарование как рукой снимает.

– Итак? – проигнорировала я его тупую шутку. – Может, все же сообщишь мне свое имя после ночи довольно посредственного секса?

– Посредственного? Ты всегда при посредственном сексе кончаешь без конца и буквальнорываешь партнера ногтями и зубами, крича, как безумная? – возмутился он.

– Ну, знаешь, я ничего не помню, выходит, для тебя эта ночь была гораздо более впечатляющей, чем для меня. Вернемся к твоему имени?

– О, только не говори, что ты меня не узнала, – закатил он свои золотистые глаза, как будто я ему в душу попыталась плюнуть.

– А что, должна была? Я вроде на память до этой последней ночи не жаловалась и что-то не могу тебя припомнить. Мы встречались раньше?

Мужчина уставился на меня так, словно ждал, что я сейчас засмеюсь и, хлопнув по коленкам, скажу: «Да ладно! Шутка юмора, мужик! Конечно же я тебя узнала!» Ага, а смеяться после слова «лопата»! Но, попялившись на меня с минуту, он так и не дождался нужной ему реакции и поэтому счел все же нужным мне сообщить:

– Я Северин! Северин Монтойя, – и так посмотрел, будто

мне стоило упасть со слезами раскаяния и начать целовать землю под его ногами.

Но я решила этого не делать и остаться сидеть, где сидела. Северин нахмурился и решил пояснить:

– Я владелец и лидер шоу-группы по мотофристайлу «Парящие Волки», – гордо добавил он.

Я подняла бровь. Это должно мне о чем-то сказать?

– Ты что, никогда не видела мотофристайл? – почти обиженно спросил он.

Я пожала плечами.

– Я так понимаю, это что-то, связанное с мотоциклами, – ответила я. – Думаю, уточню позже в интернете. А может, и нет.

– Да ладно! – ухмыльнулся мой совершенно неуместный сейчас муж. – О нашем приезде в ваш городишко Фарго все СМИ кричали, как сумасшедшие.

Вообще-то Фарго никакой не городишко, в нем живет больше народу, чем в столице штата, но сейчас я не собираюсь затевать спор. Хотя бы потому, что о том где я живу и работаю ему знать совсем не нужно.

– Я редко смотрю ТВ, – спокойно ответила я. – Но судя по всем твоим гримасам, ты какая-то звезда.

– Не какая-то, а самая настоящая, детка. – Я поморщилась от этого обращения. – И ты наглая врунья, Лали!

– И в чем же заключается моя ложь? – решила уточнить я.

– В том, что эта ночь была посредственной. Могу дать на

отсечение мое левое яичко, лучшего любовника, чем я, у тебя в жизни не было.

– Ну, какие мои годы, Северинчик-милашка. И мысль по поводу твоей частичной кастрации с каждой минутой кажется мне все привлекательней, – ответила я, и он скривился, как от кислятины.

– Мне не нравится, когда ты меня так называешь. Я же не гей!

– Я тоже нормальной ориентации, и мне так же до тошноты противны все эти твои «Лали-детки» и «пупсики».

– Женщинам нравятся ласковые прозвища, – нагло ухмыльнулся этот засранец.

– Только если они настолько тупые, что не могут запомнить собственного имени.

– Ты действительно злюка, Ла... Юлали.

– Может, и так. Ладно, время идет, так что давай обсудим то дерьмовое положение, в котором мы оказались, – решила перейти к делу я.

– А что тут обсуждать? Тебе охренеть как повезло, тебе достался я.

Он же не может говорить это на полном серьезе? Или может?

– Мы теперь связанная пара. Так что скажи мне имя своего Альфы, чтобы я сообщил ему, что ты теперь моя забота, и собирай вещички. Моя жизнь проходит в разъездах, и через две недели мы покидаем этот город.

Глава 2

– А теперь послушай меня, звездный мальчик. По досадной случайности мы с тобой пересеклись в это полнолуние. Не представляю, как ты оказался здесь, да это и не важно. Вопрос в другом. Я не собираюсь менять ничего в своей жизни просто из-за того, что мы имели несчастье наткнуться друг на друга в неподходящее время. И поэтому мы разойдемся каждый в свою сторону и забудем эту досадную оплошность.

Северин нахмурился уже всерьез и ткнул пальцем в мою метку у него на плече.

– Это не оплошность! Это, мать ее, парная метка! И ее нельзя игнорировать! – раздраженно сказал он.

– Почему? Насколько я знаю, единственное, что это гарантирует – это то, что дети у меня могут быть только от тебя. Как, впрочем, и ты больше можешь не переживать о том, что кто-то от тебя случайно залетит. Судя по тому, что я о тебе уже поняла, мистер Мегазвезда, тебе это только на руку. Не похоже, чтобы ты горел желанием прямо сейчас обзавестись потомством. А я так тем более. Так что, думаю, мы вполне можем игнорировать наши метки в течение многих лет.

– Не пойму, что ты пытаешься мне сказать? – Северин выглядел растерянным.

Ч-е-е-рт, а мой муж, видимо, действительно просто «ге-

ний».

– Я толкую тебе о том, что ни ты, ни какая-то там хрень со связыванием в мои планы не входят. У меня есть моя жизнь. Любимая работа. Постоянный парень. Мне не нужно никакого дерьма с парами.

– То есть ты пытаешься сказать, что не хочешь никуда со мной ехать?

О, господа и дамы, до него дошло! Да неужели?!

– Да ты прям Эйнштейн, Северин Монтойя! Все верно. Я предлагаю забыть о сегодняшней ночи и вернуться каждому к своей жизни. Тебе к твоим визжащим фанаткам, которые, я думаю, имеются в достатке, а мне к древним костям.

– Но как же быть с парными метками, Юлали? Они будут вынуждать нас стремиться друг к другу, особенно в полнолуние.

– Да кто тебе это сказал?

– Так все говорят.

– Разве хоть кто-то проверял, так ли это на самом деле? Все просто привыкли принимать это как аксиому. Метки связывают в первую очередь наших волков. Но я не животное, Северин, и ты вроде тоже большую часть времени, и следовать каким-то предрассудкам и инстинктам, произрастающим из моей звериной половины, я не намерена.

– А как же дети, Юлали? Ты ведь можешь быть уже беременна. – Мужчина недовольно сжал челюсти.

– А вот это невозможно. Я пользуюсь контрацептивами.

И как я уже говорила, ни тебе, ни мне дети сейчас ни к чему. А потом уже посмотрим.

— Ты говоришь какую-то чушь! — Северин порывисто вскочил, оказавшись передо мной опять совершенно голым, и, подняв меня с кровати, встряхнул за плечи. — Я желаю поговорить с твоим Альфой и узнать, почему он не позаботился о том, чтобы вовремя втолковать тебе, как следует вести себя связанной паре.

А вот тут ты как раз ошибаешься, милашка. Уж мне ли не знать, как ведут себя в гребаных связанных парах. Мой отец — Альфа своей стаи и связан с моей матерью еще с того времени, как они были подростками и впервые попробовали, что такое секс. Но это нисколько не мешало ему трахать все, что движется, не важно — волчиц своей стаи или человеческих женщин — направо и налево, оскорблять мою мать и относиться к ней как к ничтожному куску дерьма. А она все терпела и терпела, потому что верила во всю эту хрень со связанной парой, которую ей вколотили в мозги с младенчества. И наверняка терпит и по сей день. Я убралась из дома, из стаи и из этой чертовой жизни, полной лицемерия, наблюдать за которой у меня больше не было сил. И возвращаться во все это я ни за какие коврижки не намерена. Да, я скучаю по маме. Да, мне безумно жаль ее. Но она сама выбрала эту жизнь, и никто насильно ее не держит рядом с таким законченным засранцем и кобелем, как мой отец. Она сама не готова покинуть его и никогда не будет готова.

Я отказалась выпускать из рук простынь, которой обернулась, и поэтому так и мотылялась в здоровенных ручищах Северина, как тряпичная кукла. Ну, или кукла в тряпке... а, не важно.

– Прекрати меня трясти, или я укушу тебя, – рявкнула я.

Тут же Северин прекратил свое занятие, но рук с моих плеч не убрал. Наоборот, он нежно погладил пальцами и взял мое лицо в ладони.

– Укусишь? – прошептал он сексуальным шепотом. – Я не против, милая. Черт, у меня при одной мысли о твоём рте на мне встает. А твои укусы горят на теле, заставляя твердеть с курьерской скоростью.

И он опустил глаза на уже несомненное подтверждение своих слов, что слегка касалось моего живота. Его слова об укусах, проникнув в мой мозг, заставили мою кожу вспыхнуть так, словно меня облили бензином и поднесли спичку. Наглый ублюдок с длинным, грязным языком, чтоб тебя блохи зажрали!

– Может, ну их на фиг эти игры, Северин? – невозмутимо спросила я, хотя от одного лишь намека на прикосновение его большой жесткой плоти у меня скрутило низ живота в голодных спазмах.

Но я не собираюсь этому поддаваться! Это просто, мать их, примитивные физиологические процессы, вызванные действием долбанных гормонов пары. И к тому, что этот чертов Северин выглядит как один сплошной секс, это не име-

ет никакого отношения! Я не ведусь на таких, как он, у кого мускулы вместо мозгов и постоянная каменная эрекция вместо чувства такта.

– Что ты имеешь в виду? – Этот говнюк приблизил свой искусанный мною рот к моему, и губы закололо от желания жадно наброситься на него.

– Послушай, я знаю таких, как ты, Северин Монтойя. Вам нравятся девицы в юбочках, едва прикрывающих лобок, или леопардовых лосинах. С огромными силиконовыми сиськами и с километровым маникюром, который они охотно пускают в ход, устраивая кошачьи драки за доступ к твоему телу. И могу поклясться, что ты в темноте даже не отличишь их друг от друга. К тому же интеллект у них, как у чайника со свистком, и ты на их фоне кажешься себе охрененно умным парнем. Они должны закатываться противным смехом от каждой твоей пошлой тупой шуточки и без конца твердить тебе, какой ты супермегаклассный мужчина и неповторимый любовник. А, и еще называть тебя в постели кем-то вроде тигра или дикого жеребца. Так вот, если ты еще не заметил, то сообщаю, я не твой тип! А ты совершенно не мой, потому как для меня у мужчины мозги и умение быть преданным и заботливым гораздо предпочтительней накачанного сексуального тела и постоянного стояка. Ты меня понимаешь?

– Не совсем, – нахально усмехнулся Северин мне в лицо. – Можешь повторить для такого обделенного интеллек-

том озабоченного придурка еще раз? И начни с того места, где ты говоришь о моем накачанном сексуальном теле и каменном стояке, который не дает тебе покоя.

– Боже, ты и правда такой самовлюбленный придурок, или это просто часть твоего звездного имиджа?

– А ты правда думаешь, что я поверю, что те парни, о которых ты мне тут втираешь, могут удовлетворить в постели такую бешеную волчицу, которой ты была сегодня ночью? Они это делают с помощью своего замечательного интеллекта или просто болтают о всяких очуменно умных вещах, пока ты не заснешь? Потому как мне показалось, что ты предпочитаешь, когда мужик использует язык совершенно по-другому. – И он с силой сжал мои ягодицы, вжимая свой твердокаменный член в мой живот сквозь ткань простыни.

Мое тело-предатель тут же содрогнулось, выдавая меня с головой, а глухой стон вырвался раньше, чем я смогла его остановить. Северин поймал его, наклонившись к самому моему лицу, и крутнул бедрами еще раз, утверждаясь в своей власти над неосознанными реакциями моего подлого организма.

– Ты такая лгунья, Лали-детка, – прохрипел он, кусая меня за мочку уха, от чего дрожь прокатилась по мне, хлынув потоком влажности между ног.

– А ты такой самовлюбленный придурок, Северинчик-котенок. – И я, взъярившись, сильно укусила его в ответ за подбородок.

Северин дернулся и с рыком сжал мой зад еще сильнее, толкнувшись в живот почти яростно.

Честно, не знаю, куда бы нас завели эти дурацкие игры... Хотя, чего уж там, прекрасно знаю, но в этот момент за дверью раздался какой-то шум и визг и она с грохотом распахнулась, мгновенно возвращая мне способность нормально соображать. В комнату ввалилась девица в юбке, едва прикрывающей ее ягодицы, и топе, готовом лопнуть на ее впечатляющем бюсте. С собой она «внесла» высокого парня в одних широких шортах, который, видимо, безуспешно пытался ее остановить.

Быстро окинув взглядом представшую картину, она прямо-таки затряслась от злости, от чего ее освещенная добела шевелюра чуть не встала дыбом.

– Рин! – завопила она так, что я захотела зажать мои бедные уши. – Кто эта долбаная шлюха?

– Прости, Север, она просто вихрем пронеслась! – виновато пробормотал парень. – Я не успел ее остановить. Не знаю, как она узнала, где мы.

– Нести, заткнись, ты, придурок! – еще больше добавила громкости девушка. – Рин, я спрашиваю, кто эта шалава и что она тут делает?!

Северин быстро несколько раз перевел взгляд с меня на девицу, видимо решая, как с меньшими потерями выкрутиться из этой ситуации.

– А это, видимо, явилась живая иллюстрация к моим сло-

вам о твоих пристрастиях, – усмехнулась я ему в лицо.

Северин, даже не пытаясь выглядеть виноватым или хотя бы растерянным, тут же выпустил меня из рук и шагнул к девице, заслоняя меня своей широченной спиной.

– Ты зачем явилась сюда, Санни? – раздраженным тоном спросил он.

– Что? Ты еще спрашиваешь? Я твоя девушка, а ты уехал за город и даже не сказал куда! – заорала она, а я столкнулась взглядом с тем самым полуголым парнем, который так и стоял в дверях и шарил по мне нахальными глазами. На правой стороне его груди так же красовалась большая татушка волчьей морды с золотисто-рыжим мехом. Окрас волка на горле Северина был темно-серым. Так что, похоже, тату были непосредственно связаны с тем, как они выглядели в звериной ипостаси.

– А тебе не приходило в голову, что если я не сообщил тебе, куда еду, Санни, то, возможно, не особо хочу тебя здесь видеть? – В голосе Северина явно звучали рычащие нотки.

– Не хотел? – Кажется, девица подзависла, тупо хлопая неестественно длинными и густыми ресницами. – Ты хочешь сказать, что бросаешь меня?

О, милая, это он напрасно с тобой так. Судя по скорости мыслительного процесса, вы идеальная пара. Черт, какая же я все-таки стерва!

Северин же промолчал, давая Санни закончить титаническую работу ее мозга самостоятельно. Это действие заняло

что-то около минуты, а потом она дико завизжала и, выставив вперед свои жуткие ярко-красные ногти, рванула ко мне.

– Я убью тебя, долбаная ты проститутка! – зашлась она в праведном гневе.

Северин перехватил ее поперек тела и, удерживая под мышкой, понес извивающуюся и царапающуюся экс-девушку в сторону двери. Тот самый, кого она назвала милым имечком Нести, посторонился, давая пройти этому клубку из тел мимо.

– Тварь! Гребаная сука! – вопила девица, расчлняя меня глазами.

– Ты даже не представляешь, насколько права, – спокойно ответила я.

Они исчезли, где-то в глубине дома хлопнула дверь, и вопли стали намного тише, а я прямо смотрела на нагло глазеющего на меня парня.

Глава 3

Мы какое-то время играли в гляделки, а потом он улыбнулся мне ленивой улыбочкой и спросил:

– Могу я что-то для тебя сделать, солнышко?

Да, похоже, тут они все такие.

– Конечно, можешь, сахарочек. Например, я бы не отказалась от хоть какой-то одежды и инфы о том, где нахожусь. А если бы нашелся кто-то, кто подкинул бы меня к моей машине, то моя благодарность была бы безгранична, – промурлыкала я сладким голосом.

– Сахарочек? – хохотнул парень. – А ты кусачая, да?

– Еще какая.

– Ну-ну, я так и понял. Север всегда был везучим засранцем, – облизнул он свои губы, одаривая меня очередным наглым взглядом. – И, кстати, он разве разрешил тебе уехать?

– Поверь, он не будет против, – даже ничуть не смутившись, ответила я. – Мы обо всем договорились.

– Ну, как скажешь. – Парень исчез и буквально через минуту появился со спортивной большой сумкой. – Вот, держи. Не по размеру, конечно, но все, что могу.

Он сунул мне в руки черную футболку и шорты типа тех, что были на нем, и уставился на меня. На футболке был изображен мотоциклист в полете, и его тело не касалось самого байка нигде, кроме руля, и было изогнуто под каким-то со-

вершенно безумным углом. Стилизованная надпись «Парящие Волки» тоже имела место быть.

– Выйти не хочешь? – поинтересовалась я.

– Не-а. Не хочу. Но лучше сделаю это, а то вдруг мне Север потом отчленит что-то нужное.

– Да не переживай ты так. С этой задачей я и сама справлюсь. Причем гораздо профессиональнее.

Нести хмыкнул и ушел, прикрыв дверь. Я решила, что времени у меня не слишком много, пока Северин умиряет свою взбесившуюся пассиву, и быстро натянула одежду. Выйдя из комнаты, я натолкнулась на целых пять пар мужских глаз, включая уже знакомые серые глаза Нести.

Все парни были раздеты по пояс, а один сидевший на диване посреди гостиной вообще был просто в полотенце на бедрах. Прямо пир для женских глаз из гибких мускулистых тел, гладкой загорелой кожи и целого моря тестостерона в воздухе. Естественно, все они были Изменяющими облик. И, судя по запаху, еще и члены одной стаи. Так же все они в разной степени были покрыты множеством тату. И на груди каждого были искусно изображены волчьи морды разных окрасов и с некоторыми чисто личностными особенностями.

– Приветствую всех. – Я чувствовала себя неуютно от того, что все присутствующие явно тоже принимались ко мне и тщательно ощупывали жадными взглядами.

Не дожидаясь результатов их исследования, я посмотрела на Нести.

– Так что, могу я получить и все остальное, что попросила?

Все взгляды метнулись к нему.

– Мы в гостиничном бунгало охотбазы «Вепрь», – сообщил он мне требующуюся инфу.

Я активизировала в голове карту округа Касс, чтобы понять, как далеко моя стоянка с машиной и вещами. Выходило, до нее что-то около десяти километров через лес и двенадцати по грунтовке.

– Есть желающие сделать девушке приятно и довезти ее до места? Здесь не очень далеко.

– Может, ты перекусишь? – спросил Нести.

– Нет, спасибо. Предпочитаю убраться побыстрее. У меня там вещи бесхозные, да и дел полно.

– Я уверен, что нам стоит сначала спросить у Севера, – раздался голос парня в полотенце с дивана.

Я прислушалась к воплям в глубине дома, которые к тому моменту уже плавно перетекли в громкие и безутешные рыдания.

– Не думаю, что он скоро освободится, – сказала я.

– Поверь, детка, все это не займет у него много времени. Это же Север! – фыркнул мистер Полотенце.

– В любом случае у меня нет времени на всю эту хрень. Только я решаю, что мне делать и когда. Я убираюсь отсюда с вашей помощью или без нее.

– Я отвезу тебя, куда скажешь, – сказал Нести и взял клю-

чи со стойки.

– А если Север разозлится? – подал голос еще один самец с чашкой кофе в руках.

– Ну, это ведь его трудности, не мои. Или кто-то имеет желание удержать меня насильно?

– Я точно пас! – поднял ладони мужик в полотенце. – Меня вся эта хрень вообще не касается. Пусть Север со своими бабами сам разбирается. А ты, Нести, не боишься, что он накостыляет тебе за то, что ты ее увезешь?

– А если она уйдет в таком виде, – ткнул Нести в меня пальцем, – он, безусловно, нас просто расцелует. Так я хотя бы буду уверен, что она без проблем добралась, куда ей надо!

– Эй, дорогие самцы, а ничего, что я здесь?! Парни, не стоит спорить. Я же сказала, что все равно уйду. А вы можете тут и дальше дискутировать.

– Девушка спешит убраться из постели Севера с утра пораньше? – хриплый голос донесся у меня из-за спины, и я заметила еще одного Изменяющего облик, появившегося из одной из боковых дверей. – Скажите мне, что это чудо, или просто Север совсем уж сплоховал? Детка, может, ты не будешь так торопиться, и я смогу убедить тебя, что не все здесь так безнадежны?

Этот вновь появившийся был, если честно, настоящим красавчиком, хотя и остальных уродами не назовешь. Высоченный и весь словно созданный из резких углов и четких рельефов, он мог бы выглядеть по-настоящему устра-

шающим, если бы не хитрая, похотливая улыбочка на его чувственных губах и доброжелательный блеск очень темных глаз. Немного отросшие черные волосы в беспорядке свешивались ему на лицо, и то, как он выглядел из-под них, делало его облик совершенно искушающе греховным. Да, пожалуй, чисто внешне он был здесь единственным реальным конкурентом Северину, но на мой вкус неприкрыто-агрессивная сексуальность моего, кхм, мужа была соблазнительней. Хотя... не хочу вообще думать ни об одном из них с точки зрения их привлекательности. Это точно не то, что мне сейчас нужно.

– Не думаю, что это удастся хоть кому-то из вас, милые шоколадные батончики в меху, – огрызнулась я.

Парни заржали, как стадо коней, а я пошла к выходу.

– Да ладно, ты не можешь утверждать это голословно, котенок! – крикнул вслед мне выдвинувший свою кандидатуру на пост борца за имидж всех самцов. – Могла бы хоть попробовать!

– Камиль, я всегда знал, что у тебя есть лишние детали в организме, – хохотнул кто-то. – Теперь я знаю, что это твои яйца.

Но я уже вышла, и следом за мной Нести.

– Уверена, что не хочешь остаться? – спросил он, подходя к машине. – Санни – это уже вчерашний день. Даже, можно сказать, позавчерашний.

На капоте джипа сверкало знакомое мне изображение мо-

тоциклиста в прыжке и надпись.

– Уверена. И Санни здесь совершенно ни при чем.

Да я, черт возьми, офигеть как уверена, что хочу быть отсюда как можно дальше и как можно быстрее.

Мы ехали по гравийке к моему лагерю, и Нести поглядывал на меня хитрым взглядом. Он явно сгорал от желания задать мне массу вопросов, но сдерживался. Наконец его прорвало.

– Как это чувствуется? – спросил он.

– Что? – уточнила я.

– Метка. Как она чувствуется?

– Немного жжется. Не особо приятно, – нахмурившись, ответила я.

– А мне говорили, что это просто охрененный кайф. Особенно когда связанные освежают их во время секса.

– Тебя бессовестно обманули.

Парень мотнул головой, не веря мне. Вскоре мы добрались до моей машины.

– Может, ты еще просто не почувствовала ее силу?

– Надеюсь, так и останется.

– Думаешь, Северин считает так же?

– Может, у него и спросишь? Он ведь твой друг.

– Альфа. Он наш Альфа.

Меня передернуло. Еще бы, мне же, если и должно было не повезти, то уж по максималке! Оказаться связанной с Альфой. Да, Юлали, ты просто, мать ее, звезду с небес сня-

ла! Передо мной промелькнуло лицо моей матери. Ну, нет! Ни за что я не позволю своей жизни превратиться в подобие того, как жила моя мама. Ненавижу этих похотливых ублюдков Альф, уверенных, что они рождены, чтобы наслаждаться и использовать всех окружающих для этого без всякого зазрения совести.

– Спасибо, – сказала я, выбираясь из джипа Нести. – Вернуть тебе твои вещи прямо сейчас?

– Да ладно. Отдашь в следующий раз.

Видимо, он решил, что я собираюсь увидаться с Северином еще раз? А вот это вряд ли. Парень сделал круг почета вокруг моей старушки «Хонды», внимательно ее осматривая и даже заглянув под днище

– Да уж... – ухмыльнулся он. – Север будет в ярости, если увидит это ржавое корыто. Как ты на нем едешь? Это же просто опасно для жизни.

– Ага, и это мне говорит парень, который устраивает, как я понимаю, всякие трюки на мотоциклах.

– Дорогая, все наши, как ты назвала, трюки – результат точных расчетов, длительной кропотливой подготовки и многолетних тренировок.

– Ну, очень за вас рада. Но как бы ни было, ни тебя, ни Северина не касается то, на чем я езжу.

– Посмотрим, – хитро прищурил глаза парень.

– Прощай, Нести.

– Эрнест. Меня зовут Эрнест. – И он, внимательно по-

смотрев на меня в последний раз, захлопнул дверь в своем джипе.

Как только звук его движка затих, я быстро побросала вещи в машину и рванула с места, как ракета. Нужно убираться отсюда к чертовой матери. В моей жизни больше не будет всего этого дерьма со стаями, Альфами и связыванием. Конечно, моей волчице придется туго взаперти, особенно в полнолуния, но она только досадная часть меня, от которой мне никак не избавиться. Волчица – это не я, она просто животное во мне. И влиять на свою жизнь я ей не позволю.

Глава 4

Следующие два дня, а особенно ночи полнолуния были, скажем так, не самым приятным временем для меня. При всей моей нелюбви к собственной животной половине запира́ть ее – это реально жестоко. Я точно знаю, что это причиняет ей физические и моральные страдания. Естественно, это отражается и на мне. Проснувшись утром в подвале собственного дома, я чувствую, как болит все тело и гудит голова, словно от тяжелейшего похмелья. Обвожу взглядом все вокруг прежде чем сделать хоть одно движение и машинально пересчитываю новые царапины от волчьих когтей, появившиеся за прошедшую ночь на бетонных стенах, сплошь покрытых граффити. Сын бывших владельцев дома с друзьями играли в рок-группе, довольно популярной в окрестных барах, и в этом погребе у них была оборудована студия. Ребята подошли к ее созданию с любовью и тщательностью, и поэтому подземный этаж был оснащен просто потрясающей звукоизоляцией. Именно она и была одним из решающих факторов, когда я купила этот небольшой домик на самой окраине. Райончик был, конечно, тот еще, нормальным людям выйти на улицу после наступления темноты в голову не придет, но, цитируя моего супруга, которого, надеюсь, не увижу долгие-долгие годы, я ведь и не человек.

Дин был в шоке, когда я пригласила его впервые к себе.

Для него, выросшего в суперпрестижном районе, среди роскошных особняков, вид домишек с суммарной площадью, равной одному роскошному холлу в его особняке, с облупившейся краской и непристойными надписями на стенах был настоящим шоком. Глянув на его лицо, я уверилась, что он вообще был не в курсе, что люди могут жить так не где-то в странах третьего мира, и даже не на одном с ним континенте, а в одном и том же городе. Дин всегда был немного снобом и, если честно, мало что смыслил в реальной жизни. Финансовых проблем в связи с его происхождением у него никогда не было, а ничем, кроме, собственно, науки, он больше в этой жизни не интересовался. Ну, еще он очень интересовался мной.

Поэтому, когда я сообщила в свое время, что купила дом, и он, как истинный джентльмен, вызвался помочь мне с переездом, то, конечно, потерял дар речи в первый момент. Во второй, обретя его, потребовал, чтобы я немедленно отказалась от этого дома и даже стал настаивать на том, чтобы я в конце концов перебралась к нему. И это был первый и, наверное, последний раз, когда он позволил себе повысить на меня голос и на чем-то настаивать так категорично.

Но, даже будь у меня желание жить в роскошном особняке вместе с мужчиной (а его, естественно, не было по понятным причинам), позволить себе я этого не могла. Мне и так приходилось как-то объяснять ему свои отъезды за город каждый месяц. Думаю, если бы у Дина было достаточно вообра-

жения, чтобы связать мои отъезды с фазами Луны, то могли бы возникнуть вопросы. Но воображения во всем, что не относилось к его исследованиям и расчетам, у него совершенно не было. Дин был из тех людей, которые не признают ничего, что нельзя проанализировать, разделить на составляющие, изучить химический состав и проверить точными экспериментами. И это меня в нем более чем устраивало. Он был умным, верным, надежным и абсолютно предсказуемым. Таким, какой и был нужен мне. И несмотря на то, что мы официально считались парой уже четыре года, я никогда не впускала его в свою жизнь полностью. А он, похоже, об этом или не догадывался, или старался не заострять внимания на этих вещах, так как совершенно не мог конфликтовать со мной, требуя для себя большего места в моей жизни. Он не был дураком и понимал, что не получит его в любом случае.

Потому-то, конечно, его реакция на покупку мною сего архитектурного творения, мягко говоря, удивила. Но я была всем довольна. Мне подходило и то, что это был довольно глухой и неблагополучный район, где соседи не особо интересовались друг другом, и шлаться по ночам было не принято. И то, что в двух ближайших домах вообще не было жильцов, и, судя по тому, в какой вид уже пришли эти строения, в обозримом будущем они не намечались. Ну, и основная причина – этот дом был единственным, что я могла себе позволить, и то только потому, что никто не горел желанием покупать недвижимость в этом районе. И теперь он был мо-

им и только моим. А окружение меня особо не напрягало. Несмотря на свою хрупкую внешность, я не человек и реально могу постоять за себя. Мне пришлось пару раз продемонстрировать это местному хулиганью, и после этого меня не только больше не трогали, но и даже стали приглядывать за домом и за машиной. Короче, я влилась. А вот Дин бывать в гостях с того раза отказывался, что в принципе меня вполне устраивало.

Я поднялась с пола, прислушиваясь к отчаянным жалобам своего тела. Все-таки это офигеть как неприятно, что моя волчица, перед тем как уступить тело мне, не утруждается тем, чтобы выбрать более удобное место для сна. Невоспитанное, примитивное животное! Мне часто казалось, что она меня так же терпеть не может, как и я ее, и укладывается спать перед Изменением в самые поганые и мерзкие углы нарочно. Особенно когда я ее запираю. Стерва!

Кряхтя и охая, я поднялась по лестнице и отодвинула мощный, тяжелый засов на толстой железной двери.

Разминая по дороге затекшие мышцы, я прошлепала в душ и застонала от наслаждения, встав под теплые струи. Обожаю это!

Из блаженного стояния под приносящей удовольствие водой меня выдернул настойчивый звонок в дверь. Я хотела игнорировать того, кто приперся ни свет ни заря. Я никого не жду, так что пусть катятся. Но за дверью, видимо, обосновался либо какой-то особо упертый самоубийца, либо у ко-

го-то палец примерз к кнопке звонка, что вряд ли, учитывая, что +20° за бортом.

Натянув халат и давя в себе глухое рычание, я подскочила к двери и резко распахнула ее.

– Какого хрена? – рывкнула я прямо в широченную грудь мужика, одетого в футболку с изображением мотоциклиста в полете.

– Доброе утро, дорогая! – сверкнул белозубой улыбкой мой... муж, что б ему от лишая полгода лечиться.

– Да провались ты! – И я, даже не раздумывая, захлопнула перед ним дверь, и только хорошая реакция сохранила его нос от риска нехирургическим путем совершенно бесплатно увеличить горбинку от привлекающей взгляд до режущей глаз.

Я пошлепала босыми ногами на кухню под непрекращающуюся трель звонка и собственные размышления, зачем я вообще его установила, если никогда не жду гостей и терпеть не могу случайных посетителей?

Вконец охамевшая рожа за дверью униматься не собиралась, и вскоре, помимо звонков, слышался еще и грохот. Он, похоже, колотил в нее ногами. Не выдержав шума, когда и так голова с утра раскалывается, я вернулась к двери и снова распахнула ее. Северин, глядя на меня с неподдельной яростью, нагло шагнул внутрь.

– У тебя что, со слухом проблемы? – рыкнул он.

– Ага. Особенно по утрам. Ты бы рогами постучал, я бы,

может, быстрее услышала.

– Я бы постучал, да у меня их нет! – огрызнулся он, проходя на кухню с пакетами в руках.

– Скоро будут, не волнуйся! Ты чего приперся? Не помню, чтобы я тебя приглашала, как, впрочем, и позволяла войти в мой дом.

Не обращая на меня внимания, это хамло по-хозяйски вперся на мою кухню и начал выкладывать на стол продукты. Ну, прям заботливый муженек вернулся из супермаркета с продуктами для воскресного семейного обеда.

– Монтойя, я тебя спрашиваю, что ты тут делаешь? – Я обошла стол и встала напротив.

Мои ноздри уловили его запах и, главное, изменения в нем с прошлого раза. Чертовы гормоны действовали вовсю. Невольно приняхалась и к своему телу. Да-а-а, похоже, уже через каких-то пару дней для всех Изменяющих облик мы будем носить одинаковую пахучую метку, как и положено связанной паре. Вот ведь гадство!

– Мы с тобой разговор не закончили, Лали-детка! – нахально уставился на меня через кухонный стол Северин и, чуть наклонившись вперед, втянул мой аромат.

Его ноздри затрепетали, а глаза прикрылись, словно он обонял нечто совершенно потрясающее.

– Ты пахнешь почти совсем как я, – пробормотал он и вздохнул.

Почему-то от выражения его лица и от движения его нозд-

рей, жадно ловящих мой запах, меня бросило в жар, и парная метка отозвалась жесткой пульсацией. Я раздраженно стиснула зубы, силясь бороться с этими чисто животными реакциями собственного тела. Но чем больше я старалась, тем хуже выходило. Могу поклясться, что мои щеки покраснели, не говоря уже о том, что соски отвердели до боли, а в животе противно заныло.

– К сожалению, я заметила, – шагнув подальше от него, ответила я.

Северин явно засек мою непроизвольную реакцию на него и, самодовольно ухмыльнувшись, отодвинул табурет и уселся на моей кухне, вытянув свои длинные мускулистые ноги в черных джинсах и огромных грубых ботинках с железными носками.

– Присаживайся, – по-царски кивнул он мне на мой собственный стул напротив. – Нам ведь предстоит долгий разговор. Нужно узнать друг друга, а то ты в прошлый раз так торопилась, что и не вышло.

Я оттолкнула предложенное посадочное место ногой и наклонилась прямо к нему, опершись на стол и уставившись в наглые золотистые глаза.

– Господин Северин Монтойя, я и при первой встрече вам сказала, что говорить нам не о чем. Знать я о тебе ничего не хочу, как, впрочем, и видеть тебя нет никакого желания. Поэтому собирай все свое барахло, выметайся из моего дома к чертовой матери и больше не появляйся.

– Это не барахло, а свежайшие натуральные продукты, – нисколько не смутившись, заявил этот... с-с-су...пруг. – Я не питаюсь чем попало, дорогая. И раз уж я вынужден буду находиться в этом твоём облезлом скворечнике, пока ты не осознаешь свое новое положение, то хотя бы есть хочу нормальную жрачку.

Этот урод самовлюбленный только что назвал мой домик облезлым скворечником?

Схватив все, что он выставил на стол, и роняя что-то по дороге, я с рыком метнулась к двери и, распахнув ее ногой, вышвырнула все наружу.

Северин с удивленным лицом последовал за мной.

– Какого хрена ты творишь? – заорал он на меня.

– Пошел вон отсюда, дворяга офигевшая!

– Как ты меня назвала? – устрашающе навис он надо мной.

– Как слышал! – выпрямилась я перед ним, не обращая внимания на разницу в росте и живой массе.

Его глаза около минуты сверлили меня яростным взглядом, а потом резко опустились ниже.

– Какие же у тебя красивые сиськи, – неожиданно хрипло пробормотал он, и я глянула вниз.

Естественно, мой халат, пока я в приступе злости тащила все эти продукты, распахнулся, и теперь с высоты небольшого роста мужику открывался, прямо скажем, шикарный обзор. Я вскинула голову, желая сказать все, что думаю о его наглости, но Северин молниеносным движением шагнул

ко мне и, схватив за задницу одной своей лапищей, вздернул меня вверх по своему телу, одновременно вжимая в стену, а второй вцепился в волосы и, потянув за них, подставил мои губы под свирепую атаку своего рта. Я безуспешно рванулась из-под этой горы мышц, колотя его руками, но ничего не добились. Это не уличный хулиган и не человеческий мужчина, которому я бы запросто сломала кости, это какой-то гребанный кусок стали, для вида обтянутый мягкой кожей. Тогда я в ярости укусила Северина за его дерзкие губы, но его это только, похоже, еще больше завело, и он, властно рыкнув, толкнул свой язык мне в рот, и меня тут же моментально затрясло от злости и дикого возбуждения.

Я резко послала свой язык навстречу интервенции Северина, не желая уступать ему и грамма первенства, и сильно вцепилась в его волосы, одновременно обвивая его талию ногами. Северин издал какой-то звук, похожий на стон отчаяния, и резко прижался своими бедрами к моей сердцевине. Его уже совершенно напрягшийся член сквозь грубый материал джинсов вжался в мою обнаженную плоть, причиняя ощущения на грани боли. Явно не я одна почувствовала жар сквозь слои ткани, и мужчина, зарывав, крутнул тазом, делая контакт просто нестерпимо близким. Мое тело выгнулось, похотливо потираясь об этот центр твердого удовольствия и отказываясь подчиняться рассудочной половине. Губы от резкого движения вырвались из плена, но Северин, и не думая останавливаться, соскользнул своим ртом вниз, и

быстрые, жалящие поцелуи посыпались на мой подбородок и шею. Его рука на моих ягодицах грубо сжалась, добавляя сладкой остроты. Температура кожи Северина росла с бешеной скоростью, и испарина выступила на ней, добавляя еще больше опьяняющего мою животную половину чувственного аромата. Я уже никак не могла управлять крупной дрожью, что сотрясала меня от его действий и запаха.

– Какая же ты... – прохрипел Северин. – Что творишь со мной...

Во мне уже вовсю бушевала другая часть моей сущности, требуя от меня прекратить все эти игры ни о чем и перейти к конкретным действиям. Я просунула руку между нашими телами, вцепляясь в твердый бугор под грубой джинсой, до предела натянувший ширинку джинсов Северина. Он дернулся и зарокотал от моего прикосновения. И я, отчетливо понимая, что делаю то, что никогда не то что в жизни, но и во сне бы раньше не сотворила, сжала ладонь сильнее, по-настоящему наслаждаясь и тем, как дернулась в ответ раскаленная плоть под брюками, и каким мучительно-просящим стал звук, рвущийся из груди Северина. И в этот конкретный момент сочетание этого запаха, звуков, движений и реакции собственного и мужского тел толкнули меня в какой-то безумный полет.

– Офигеть! – раздался голос откуда-то извне того пространства, в котором мы пребывали с Северином. – А ты горячая штучка, соседка!

Я резко вынырнула из состояния вожделеющей невесомости и перевела взгляд на распахнутую уличную дверь. Группа подростков, моих соседей, бессовестно пялилась на нас с Северином, комментируя и свистя.

Мой чертов муж, что б его чумкой скрутило, дернул меня опять за волосы, принуждая вернуть внимание ему, и неуклюже потянулся, пытаясь толкнуть дверь и сделать обстановку более интимной. Но мое помутнение рассудка уже закончилось, и поэтому я опустила свою руку, сжимавшую его член через ткань, ниже и немилосердно сдавила его яички. Издав страдальческий стон, Северин отшатнулся от меня и с воплем прижал руки к своему главному самцовому достоинству.

– Что ты, мать твою, творишь? – придушенно вскрикнул он. Но я, прекрасно зная, насколько быстро восстанавливаются мои соплеменники, быстро вытолкнула его в дверь и с триумфом захлопнула ее.

– Да что ты делаешь, ненормальная? – раздался крик с той стороны.

– Я велела тебе проваливать, Монтойя! И если ты не понял, что это значит, до этого – то я решила показать действием.

– Да какого хрена! Ты хочешь меня не меньше, чем я тебя, – орал придурок.

Ну, спасибо! Моим немногочисленным соседям так хотелось знать о моих предпочтениях в личной жизни.

– У тебя галлюцинации. Думаю, с твоей профессией и немалыми доходами ты вполне мог бы обратиться за врачебной помощью. Сейчас лечат почти все! А этому хитрозадому гаденышу Нести передай, пусть лучше никогда мне на глаза не попадается!

– Юлали, я требую, чтобы ты назвала мне имя твоего Альфы!

О, ну надо же, от меня чего-то требует офигевший в корень мужик с жадой доминирования, дарованной ему фактом рождения. Я прямо вся трепещу. И само собой выдаю самый великий ответ всех времен и народов:

– Пошел на хрен!

Какое-то время за дверью подозрительная тишина. Потом Северин опять подал голос.

– Даже не думай, что все так закончится! – прорычал он, и вскоре я услышала, как завелся мощный движок его внедорожника.

А то я сомневалась!

Глава 5

Понедельник для многих день тяжелый, но я из тех чудачков, что любят свою работу и с нетерпением ждут окончания выходных. Наш научно-исследовательский центр при университете города Фарго построили на деньги частных инвесторов и меценатов. Он открылся всего пару лет назад, и я тут с самого начала. Когда получила приглашение работать здесь, то была безумно рада. Ну что еще можно пожелать такой, как я, учитывая и расположение города, и доступность рядом лесов, озер и большого количества практически незастроенных пространств. К тому же особо жесткого контроля за исследованиями тоже не предполагалось. Что просто замечательно, принимая во внимание, что больше самой непосредственной работы, являющейся официальным поводом, я люблю те возможности, что предоставляет мне моя прекрасно оснащенная лаборатория. Я могу почти свободно заниматься кое-чем, не связанным непосредственно с темой моих официальных исследований, на которые я получила немалый грант от одного знаменитого фонда.

Для всего мира я – палеоантрополог, и достаточно неплохой, если судить по отзывам коллег и статьям в научных журналах. Как говорит Дин, я ковыряюсь в древних костях существ, которые претендуют на звание пращуров всех сапиенсов. Но это мое лицо для мира.

Дин – технарь до мозга костей, и как бы он ни уважал мою работу, реально способен заснуть, когда на его вежливый вопрос «чем сейчас занята на работе» я увлекаюсь и начинаю подробно рассказывать о своих исследованиях. Но мне грех на него обижаться. Ведь я сама готова задремать еще быстрее, когда он начинает вдохновенно мне втирать о своих чертежах и каких-то там механизмах. Черт их разберет. Я пользуюсь массой всяких бытовых приборов в повседневной жизни, и езжу на машине, но, честное слово, мне никогда не было интересно, почему или каким образом они делают то, что мне нужно. Впрочем, как и Дина вообще не занимает, чем отличается, скажем, строение лицевого отдела черепа питекантропа от того же самого у австралопитека.

Одним словом, мы замечательная пара. И Дина при его идеальном воспитании и манерах даже нисколько не смущает, что, увлекшись, я могу ругаться, как портовый грузчик, да и в обычной жизни мой лексикон не блещет изысканностью. Нет, я не ограниченная хамка. Просто, довольно рано уйдя из дома, успела посмотреть, что такое жизнь без помощи и поддержки, столкнулась с необходимостью самой зарабатывать себе на кусок хлеба и хоть какую-никакую крышу. И жить случалось в таких местах, где нужно отстаивать себя и свое мнение не в высокопарных выражениях. Да и вообще, считаю, что хорошее отношение нужно еще заслужить. Ведь меня никто и никогда не встречал со слезами умиления на глазах, просто потому, что я вся из себя такая классная, если

только не хотели поиметь. Так с чего это я должна изначально в каждом человеке видеть хорошее и желать быть с ним любезной? Особенно это касается мужчин, встречающихся на моем пути. Большинство из них, узрев натуральную блондинку, чего уж скромничать, с вполне приличным телом, пытаются включить свое обаяние, которое, как им кажется, у них есть, на полную, рассчитывая быстренько увидеть меня на спине в обнаженном виде. Я не монашка, но где и с кем — решаю только сама, да в принципе и не вижу в сексе чего-то такого, из-за чего все столько ерзают и разводят суету. Это нормальная потребность организма, как сон или еда, хотя, может, это чисто мое отношение, продиктованное наличием во мне животной половины, лишенной романтического подхода в этом вопросе. Поэтому я не стесняюсь обычно в выражениях, когда поведение кого-либо из носителей Y-хромосомы становится чересчур навязчивым. И учитывая, что последние годы вариант с Дином устраивает меня во всех отношениях, то отшиваю я всех поголовно.

Кстати о Дине, сегодня он должен прилететь с какой-то там своей конференции по особо важным вопросам бог знает каких устройств. Мы не виделись неделю, и я немного скучаю по нему.

Чувства вины по поводу эпизода с пробуждением с Северином я особенно не испытываю, перекладывая это опять же на мою не слишком одаренную волчицу, тем более ничего из того, что происходило даже уже в человеческом облике

я, хоть убей, не помню. Так, какие-то вспышки, которые я старательно игнорирую. А раз я ничего не помню, выходит, ничего и не было! Все, я в ладу с собой и со всем миром! Ну, почти. Вчерашнее явление моего мужа, что б ему чесаться не переставая, немного выбило меня из колеи. Но это вовсе не значит, что стоит что-то поменять в моей жизни.

Я быстренько загружаю в рабочий комп данные с флешки, не касающиеся моей основной темы. В понедельник все приползают на работу, ну, скажем прямо, не на зорьке ранней, и, даже явившись, больше интересуются кофе-машиной, чем работой. Да уж, распустила я своих подчиненных, но мне это и самой на руку. Я не давлю на них, они не суют носы в то, чем я занимаюсь. Работа идет, все счастливы. А учитывая тему моих неофициальных исследований, это очень хорошо. Дело в том, что я занимаюсь выяснением возникновения собственного вида. По моей теории, Изменяющие облик или ликантропы, как таковые, произошли от обычных людей. Просто в какой-то момент развития хомо сапиенс как вида произошла мутация, приведшая к появлению новой ветви.

Мои соплеменники на самом деле весьма консервативны в своих взглядах и выборе занятий.

Когда вам не нужны врачи, потому что вы не болеете, и ваши кости и внутренние повреждения срастаются в большинстве случаев через день-два, то странно выбирать профессию, связанную с медициной или там биологией. Потому

как происхождение всего, на что можно охотиться, тоже не особо волнует ликан. Да и вообще, в семьях Изменяющих облик принято, чтобы женщины сидели дома и не вякали, занимаясь своими извечными обязанностями, а основную деятельность для мужчин выбирает Альфа своим волевым решением. Так что, если вы живете в стае и по ее законам – то будете получать ту профессию, в которой в данный момент нуждается все сообщество, а не ту, которую хочется. И это еще одна из причин, по которой я ушла из стаи отца. И вот теперь занимаюсь, наверное, глупейшим, с точки зрения моего родителя, делом – ковыряюсь в древних костях в попытке выяснить, кто и от кого произошел и почему.

Время до обеда пролетело почти незаметно, настолько я погрузилась в свое занятие, и поэтому, когда прямо над головой раздался низкий, но совсем не долгожданный голос, я буквально подпрыгнула.

– Ну, привет, дорогая.

– Монтойя, какого хрена ты тут делаешь? Кто тебя впустил сюда вообще? – взвилась я с испугу.

– Понятно, здороваться не будем, сразу ругаться начнем, – вздохнул Северин. – Слушай, мы что, нормально поговорить не можем?

Я оглянулась на оживившуюся молодежь за спиной, которая кидала на Северина восхищенные взгляды, особенно девушки-лаборантки, и разозлилась не на шутку.

– Мы с тобой поговорили обо всем еще в первое же утро и

все решили, только не пойму, зачем ты опять появляешься, – как можно тише сказала я.

– Нет, Лали-детка, говорила в основном ты. Я ни в чем с тобой не соглашался! – и не думая уменьшать громкость, заявил этот нахал.

– Не «деткай» мне тут! Я на работе, между прочим! И ты меня жутко отвлекаешь!

– О, я вижу, у тебя офигеть какая важная и не терпящая отлагательств работа! Прямо срочность невероятная. Лали-детка, возможно, ты так увлеклась, что не заметила, что косточки, над которыми ты гнешься, протухли уже пару сотен лет назад и даже пахнуть уже перестали, так что они подождут денек, пока мы решим наши проблемы.

– Пару сотен тысяч лет, придурок ты одноклеточный!

– Тем более! Думаю, если ты их и вовсе бросишь, с ними ничего не случится, потому как все уже давно случилось. На такое старье даже крысы с собаками не позарятся.

– Боже, мне не показалось, ты и правда идиот!

– На себя посмотри! Женщина в своем уме станет поступать, как ты со мной вчера? Нормальная баба разве может предпочесть мне эти окаменелости стародревние? Черт, детка, ты в лотерею выиграла самого Северина Монтойю, и вместо того, чтобы облизывать меня, как леденец, ты едва не отрываешь мне яйца и вышвыриваешь из своей лачуги, и для чего? Чтобы копошиться в трухлявых костях?

Я схватила первое попавшееся под руку, а это была боль-

шая берцовая кость, и почти треснула нахала по башке. Но потом ученый победил во мне разъяренную женщину, и я, несколько раз медленно вдохнув и выдохнув, аккуратно положила ее на место.

– Что, осознала наконец свою удачу? – ухмыльнулся Северин.

– Нет. Просто удовольствие немного проломить твою пустую башку не стоит порчи ценного материала для исследований. Я найду что-нибудь более подходящее. Чуть позже. А сейчас выметайся из моей лаборатории.

– Только вместе с тобой, моя дорогая! Мы сейчас пойдем пообедать в какое-нибудь приличное местечко и сделаем еще одну попытку поговорить, – сложил на груди свои татуированные ручки Монтойя, и сзади послышались восхищенные вздохи моих лаборанток.

Вот ведь дуры сексуально озабоченные! И чего это слюнями исходить на мужика? Тем более чужого. Так, о чем это я?

– Боюсь, ничего у нас с тобой не выйдет с походом на обед, – с милой улыбочкой заявила я.

– Это почему же? Боишься, косточки на супы растянут?

– Нет, просто в округе нет ни одного ресторана, куда с животными пускают! Тем более с плохо дрессированными.

Монтойя навис надо мной и тихо, но прямо-таки страшно зарычал:

– Стервозина! Не пойдешь сама, я тебя силой потащу!

– Что-то я не помню, чтобы наша регенерация позволяла

глаза обратно отращивать при полном выцарапывании. Или если яйца совсем оторвать.

– Надеешься справиться со мной? – самодовольно выпрямился Северин, еще больше подчеркивая ширину и идеальную форму плеч.

Хорош же, засранец. И прекрасно знает об этом, что б у него хвост от авитаминоза весь вылез. И это плохо.

– А ты со мной? – скопировала я его позу, хоть и доставала ему едва до плеча макушкой. А что, сила-то не в росте!

В этот момент дверь открылась, и вошел Дин, на ходу надевая халат. Вот ведь душка-парень. Знает, что я терпеть не могу, когда в лаборатории без халатов шастают. Не то что некоторые монстры в кожаных прикидах.

– Юлали! – с порога заулыбался Дин, а я подумала, что появился он очень не вовремя, и вся напряглась в ожидании очередной выходки Северина. – Я так скучал, милая.

– Я тоже, Дин, – с натянутой улыбкой ответила я, от чего физиономию у Северина перекосило, и он резко развернулся к Дину.

Я уже готовилась к самому худшему сценарию, когда лицо Дина озарило предельное удивление, а брови взлетели вверх на его красивом лице.

– Монтойя? Северин Монтойя? – Мой парень, вытянув руку, понесся навстречу моему, собственно, мужу. – Я Дин. Дин Норбит!

– Дин? – зарокотал Северин в ответ и тоже протянул ру-

ку. – Тот самый, о котором Нести говорит не умолкая уже полгода? Надо же! Приятно, наконец, познакомиться лично, чувак!

И они разве что обниматься не кинулись. Когда их первая щенячья радость схлынула, обо мне тоже вспомнили.

– Юлали, это Северин Монтойя! – Надо же, а я не знала. – Я консультировал их по интернету, помогал с расчетами трюков и разработками для их движков! Я тебе рассказывал, помнишь?

Ничего я не помню, потому что начинаю дремать, едва рассказ начинается. Но я все же кивнула, чтобы не заострять внимание.

– Боже, Северин Монтойя прямо здесь! – продолжал выражать свой восторг Дин, и, клянусь, я его таким довольным и оживленным даже во время секса не видела. – Так, погодите-ка, а какими судьбами ты тут?

Ну, наконец-то кое-кто очнулся и включил мозг, хотя не сказать, что это сейчас кстати.

– А я тут в гости забежал к Юлали, – нагло глянув на меня, начал Северин. Дело в том, что я ее...

– Брат! – свирепо рявкнула я. – Северин – мой брат... двоюродный.

– Да-а-а?! – развернулся ко мне всем телом мой никчемный супруг. – Брат?

– Ага. Так и есть. Сто лет мы не виделись, – сказала я вслух и про себя добавила: «И на хрен мы встретились!»

– Надо же! Милая, а ты мне не говорила! Почему ты не упомянула об этом, когда я тебе рассказывал о нашей совместной работе? – Я только и могла, что хлопать глазами. – Вот! Я всегда знал, что ты меня не слушаешь! Но не беда. Я знаю, что техника тебя совсем не интересует.

И радостный Дин приобнял меня и поцеловал в щеку, а у Северина дернулся глаз.

– Так, выходит, ты пришел навестить Юлали? По-родственному, так сказать? – продолжил расспросы Дин.

– Точно. Мы ведь родня-то ближе некуда, а общаемся мало. – Северин скосил на меня хитрые глаза. – Вот Юлали и предложила мне, пока мы будем в городе, пожить у нее вместо гостиницы! Ну, чтобы успеть пообщаться больше!

– Да?! – выкатила я на мерзавца глаза, обещая совсем не легкую смерть.

– Да! Говорит, когда еще успеем. Ну, я и согласился. В самом-то деле, когда еще такая возможность-то будет?

Я тебе покажу возможность, засранец!

– О, это просто здорово! Правда, у Юлали места совсем мало и район... Вот сколько просил ее не покупать этот дом – не слушает меня. Может, хоть ты на нее повлияешь и убедишь съехать оттуда!

– Дин, не начинай! – нахмурилась я.

– Ну почему? Вот пусть тебе хоть Северин скажет. Я же прошу тебя ко мне переехать и давно. А все без толку.

– А, ну, это я, конечно, повлияю. Переезд – дело хоро-

шее, – ухмыльнулся этот аферист. – Прямо, я бы сказал, жизненно необходимое. Ну, так что, Лали-детка, дашь мне ключи, я поеду обосновываться и ждать тебя с работы?

Меня аж передернуло при мысли, что я своими руками дам этому агрессору ключи от своего сквор... в смысле милото домика. Но Дин смотрел на меня с улыбкой, и я, взяв ключи из сумки, сунула Северину.

– Держи, братец. Да, кстати, Дин, как ты смотришь на то, чтобы приехать ко мне на ужин сегодня вечером? Как раз пообщаешься с Северином, я же вижу, что вам есть о чем поговорить.

Дин просиял. Ему явно этого хотелось, только воспитание не позволяло напроситься.

Северину это не слишком понравилось, но он этого не показал.

– И к тому же ты можешь остаться у меня, – интимно промурлыкала я. – Мы ведь целую неделю не виделись, и я соскучилась.

Теперь глаз у Северина задергался сильнее, и он нервным движением сунул руки в карманы, чтобы не треснуть по чему-нибудь. Получи, фашист, гранату! Дин слегка смутился под пристальным и недобрым взглядом Северина.

– Ну, если ты не против, и это будет уместно, – пробормотал он. – То я был бы очень рад. Я тоже очень соскучился по тебе и хотел бы пообщаться с Северином.

– Вот и прекрасно! – хлопнула в ладоши я. – А теперь,

мальчики, идите. Мне еще работать нужно!

– Да, увидимся вечером, дорогая, – радостно ответил Дин.

– Ага, до вечера, детка! – голос Северина был похож на хруст гравия. – И, если никто не против, я сам позабочусь об ужине.

– Я не против, если ты не превратишь мою кухню в руины.

– Ну, если в результате моих усилий твой домик превратится в руины, то торжественно клянусь обеспечить тебя новым жильем, – ухмыльнулся Северин, пока я препарировала его глазами.

И бросив на меня взгляд «Мы еще поговорим об этом!», он тоже пошел к выходу. Едва за мужчинами закрылась дверь, обе моих лаборантки сорвались с места и срочно помчались, типа, в туалет.

Вот дуры озабоченные!

Глава 6

Мое настроение становилось все хуже с каждой минутой, приближающей конец рабочего дня. Жутко раздражало еще и то, что теперь обе мои безголовые помощницы так и нарежали вокруг меня круги, и языки у них явно чесались от массы вопросов. Но я, будучи самой настоящей сучкой по факту рождения и внутренней сущности, делала вид, что страшно занята и болтать мне совершенно некогда.

Дин позвонил мне около семи, сообщил, что уже выехал, и спросил, какое вино покупать. Я ему посоветовала взять уж лучше пиво.

Мрачная и злая, я подъехала к своему дому, который вместо уютного убежища теперь виделся мне натуральной засадой монстра. Роскошная тачка Дина уже стояла перед домом, так же, как и кракозябра Северина с эмблемой этой его шоу-группы, или как их там. Это был громадный черный пикап с агрессивной мордой, такой высокий, что в него только по веревочной лестнице, наверное, нужно забираться, и с резиной на колесах, напоминающей зубы здоровенного чудища. Можно, конечно, задаться вопросом: недостаток или малый размер чего он пытается компенсировать этим монстром на колесах, но, судя по тому, что я чувствовала под своей рукой тогда у двери и видела в день чудного пробуждения – это не тот случай. Жаль, конечно, что такое «оборудование»

досталось эдакому говнюку. Эй! Ничего мне не жаль! Вообще плевать!

А компенсирует это придурок недостаток серого вещества!

Еще даже не выбравшись из машины, я почувствовала, что пахнет жареным на углях мясом, и слюна наполнила мой рот. В доме никого не было, хотя в районе моего небольшого заднего двора орала музыка. Пройдя через дом, я замерла ошарашенная. С момента покупки дома я почти и не заглядывала сюда, и дворик был заросшим и заваленным всяким хламом типа старых великов, сломанных шезлонгов и бутылок разных калибров. Сейчас же моему взгляду представала милая чистенькая лужайка, на которой был установлен большой стол и плетеные кресла, рядом распространял умопомрачительные запахи новенький мангал, над которым колдовал Северин в одних джинсах, с кухонным полотенцем через плечо и бутылкой пива в руке, которой он размахивал, активно жестикулируя в споре с Дином. Перед моим парнем на столе лежал планшет, и он тыкал в него пальцем, чего-то доказывая моему... мужу. Вот я дожила-то. Орущий рок из колонок на крыльце (которых у меня тоже отродясь не было) перекрывал для меня звуки разговора, и я наблюдала за этой странной картиной пару минут незамеченной.

И в глаза больше всего бросалось то, что каждое движение Северина и его манера держаться словно семафорили «Я здесь, типа, дома!», тогда как Дин явно чувствовал себя

неуверенно.

Хотя с наглостью, присущей Монтойе, ничего удивительного в этом и нет.

Естественно, что Северин заметил меня первым. Точнее будет сказать уж – учуял. Я абсолютно точно увидела момент, когда его ноздри резко дернулись, а мышцы на обнаженной спине напряглись, бугрясь под кожей. Затем он безошибочно повернул голову в мою сторону, и на короткий миг мне показалось, что его глаза впились в меня с откровенным, мощнейшим желанием, но затем он опустил ресницы и ухмыльнулся.

– Ну, наконец-то, – крикнул он, перекрывая мощью голоса рокера из колонок. – А мы уже думали, что ты решила забить на семейный ужин.

Дин поднялся и, подойдя ко мне, обнял и поцеловал легким касанием в губы. Уменьшив громкость, он улыбнулся мне своей обычной безмятежной улыбкой.

– Ты на самом деле немного задержалась. Много работы?

– Ну да, с ее древними костями ведь может случиться непоправимое, оставь она их на полчаса раньше, да, Лали-детка?

Северин раздраженным взглядом уставился на руки Дин, приобнявшего меня. Так как Дин стоял к нему спиной, то я, мило улыбаясь, продемонстрировала Монтойе средний палец.

На что мерзавец расцвел в похабной улыбочке и прошеп-

тал: «Обязательно, чуть позже» так тихо, что расслышать могла только я.

– Как вы успели разгрести весь этот бардак? – спросила я вслух.

– А это все Северин, – сказал Дин. – Потрясающе, как он сумел за полдня облагородить эту помойку.

– Ну, не мог же я маяться бездельем несколько часов в ожидании... сестры. Что, Лали, готова поесть?

– Думаю, я быстренько в душ, а вы можете начинать без меня.

– Ну, нет уж, – уперся Северин. – Я ждал тебя столько, подожду и еще. Хотя, если честно, просто умираю от голода. Что-то у меня последние три дня просто зверский аппетит.

Северин смотрел мне в глаза так, что в природе его голода не оставалось сомнений.

– Да, Юлали. Если можешь, давай быстрее.

Я вернулась в дом и заодно решила заглянуть в гостевую спальню. Почти не помню, что там у меня творится.

И опять меня ждал сюрприз, не сказать, что приятный.

Раньше там была комната сына хозяев с полутораспальной койкой у дальней стены и парой шкафов, тумбой и столом. Теперь же в помещении стоял огромных размеров... хм... траходром (по-другому, простите, не назвать), занимающий большую часть комнаты, прямо посередине. И больше, собственно, ничего. Кровать была застелена темно-фиолетовым роскошным шелковым бельем, и такое впечатление, что про-

сто орала о том, что сон – это последнее, чем на ней стоит заниматься.

Сукин сын, да когда он только все успел?

– Тебе нравится, Лали-детка? – Я подпрыгнула, услышав голос Северина над ухом, больше похожий на довольное ворчание.

– Да какого хрена вообще! – зашипела я на него, отпрыгнув. – Как ты умудряешься ко мне подкрадываться все время, нахальное ты чудовище?

– Тебя смущает, что ты не можешь вовремя меня учуять, дорогая? Так это потому, что наши запахи уже практически идентичны, и твоя волчица не воспринимает меня как постороннего.

– Моя волчица – безмозглое и неразборчивое в связях озабоченное животное, раз она сподобилась на такого, как ты, позариться!

– Ты даже не представляешь, какое количество женщин с тобой не согласятся! – ухмыльнулся мерзавец.

– А ты даже не представляешь, насколько мало меня интересует мнение тупоголовых куриц, способных повестись на тебя в здравом уме. Хотя, судя по тому, что я видела, ум – это совсем не тот критерий, по которому ты их выбираешь. Скорее уж объем груди.

– А ты не ревнуй, Лали-детка. Твои сиськи нравятся мне гораздо больше. Как вспомню, как они ощущались той ночью у меня в ладонях и во рту, так моментально становлюсь

твердым, как чертов гранит! – и Северин опустил руку, демонстративно поправляя свою очевидную эрекцию в джинсах, нарочно привлекая мое внимание.

А я не привлеклась! Нисколько! Мне вообще плевать, что в низ живота словно пнули, и соски заныли, как будто он и правда только что жестко ласкал их. Все эти долбаные парные гормоны, провалились они пропадом вместе с их основным источником.

– Если думаешь, что твои грязные словечки и выходки хоть как-то на меня действуют, то пошевели извилинами еще разок! На улице сидит мой парень. Он умный, тактичный, заботливый, прекрасно воспитанный и красивый, и это – мой идеал мужчины. И если у тебя так же хреново со зрением, как и с соображаловкой, то я скажу прямым текстом – он нисколько не похож на мускулистое, волосатое, татуированное и вечно озабоченное животное! Еще разъяснения нужны?

– Нет, Лали. Мне не нужны слова, чтобы понять, что ты не хочешь его так, как меня, и никогда хотеть не будешь. Дин – офигенный парень, умный, конечно, и тактичный. Насчет красивого не уверен, но не мне с моей ориентацией судить. Но есть одно важное обстоятельство, Лали-детка. Могу побожиться, что он был бы однозначно мертв после такой ночи, что была у нас в полнолуние. Просто помер бы от истощения. Как бы ты ни притворялась, с твоим темпераментом тебе нужен я.

– Сколько раз повторять? Я ничего не помню! И ни черта

ты мне не нужен. Все, что было тогда, было из-за того, что я выпустила свое гребаное животное на волю! Больше это не повторится! Я – человек! Человек, понятно? Хотя и с проклятыми отклонениями от нормы! А теперь отойди!

Но Северин метнулся мне навстречу и загородил своим мощным телом вход.

– А ну-ка, погоди! Я не ослышался? Ты считаешь свою волчицу просто каким-то отклонением? Типа, как болезнь, с которой нужно бороться?

– Именно так!

– Да ты еще более психованная, чем я думал! Выходит, я не ошибся насчет подвала там внизу – это там ты запираешь волчицу во время полнолуния?

– Какой ты догадливый! И я, между прочим, не позволяла тебе шастать по моему дому! Завтра же чтобы выметался отсюда!

– Не раньше, чем узнаю имя твоего долбаного Альфы, допускающего такое!

– В таком случае можешь валить уже сейчас! У меня нет Альфы! Я не стадная скотина, как вы все! – заорала я на него и, оттолкнув, вылетела из комнаты.

Но Северин и не думал отставать и шел за мной по пятам.

– Но как так вышло, Лали? Почему ты совсем одна?

Я развернулась в дверях ванной.

– Потому что я ни в ком не нуждаюсь, идиот! – рявкнула я и захлопнула перед его носом дверь.

Приняв душ и переодевшись, я вышла на улицу, и мы расселись за столом. Северин выглядел несколько мрачным и смотрел на меня как-то по-другому.

Они продолжали с Дином свою чрезвычайно важную беседу, в которой я почти ничего не понимала. Неожиданно Северин прервался и повернулся ко мне.

– Тебе ведь, наверное, невыносимо скучно нас слушать, да, Лали?

Оу, неужели он заметил хоть что-то, кроме себя любимого?

– Ох да, Юлали! Прости, ради Бога, я слишком увлекся! – смутился Дин.

– Не обращайтесь на меня внимания! Еще чуть-чуть, и я пойду спать.

– Да ладно тебе, Лали! Побудь с нами! Мы будем в городе еще две недели, так что сможем пообщаться с Дином еще неоднократно. Тем более что вы завтра будете на нашем премьерном выступлении.

– В самом деле? – посмотрела я на Дина.

– Да, милая. Северин позвал нас на шоу и отметить после с ребятами, и я согласился за нас обоих. Надеюсь, ты не сердишься? – неуверенно улыбнулся он.

Я стрельнула гневным взглядом на Северина, но он сидел с непроницаемым лицом.

– Конечно, не сержусь. Как я могу сердиться на тебя, дорогой?

– Ну и чудно. Северин, раз уж мы больше не говорим о деле, то, может, ты мне хоть немного расскажешь о детстве Юлали? Потому что она сама усиленно избегает разговоров об этом!

Я закатила глаза. Да, рассказ о моем детстве был бы чрезвычайно познавательным и насыщенным разнообразными событиями... Отец, орущий матери, что она является самым худшим, что случилось в его гребаной жизни, потому что он чертов Альфа и имеет право делать все, что угодно, а она висит на нем камнем, от которого не избавиться уже никогда. Он же, пьяный, являющийся домой с какой-то шлюхой и приказывающий нам с мамой выметаться из дома, пока он не закончит. Мама, обнимающая маленькую меня и рыдающая, но всегда готовая простить ему все, просто потому, что так нужно, и другой жизни она не мыслит и боится ее. И так до того дня, когда однажды он в очередной раз стал бить меня, вопя, что я никчемная обуза в его жизни, дерзкая маленькая сучка которую он заставит подчиняться любой ценой. И во мне что-то щелкнуло, и я напала на него, молотя всем, что попадалось под руку. И тогда моя мама, та самая, которой он изменял столько лет, бил и унижал, неожиданно встала на его защиту. Буквально накрыла своим телом, требуя, чтобы я остановилась. И я не просто остановилась. Я ушла.

– Ну, дело в том, что мои родители и родители Юлали жили довольно далеко друг от друга, и в детстве мы мало общались.

Похоже, Северин вынужден изворачиваться самостоятельно, и я замерла в ожидании того, что он сейчас ляпнет что-то не то.

– Жаль. Она не хочет ничего мне рассказывать. Да и когда я просил ее съездить познакомиться к ее близким, она отказалась. Как, впрочем, и знакомиться с моей мамой. Говорит, что мы еще не готовы.

Спасибо, Дин, давай, выболтай этому самодовольному чудовищу все!

– Вот как? И давно вы вместе?

Вот какое твое собачье дело?

– Четыре года, – вздохнул Дин.

– Не так уж и долго, – встряла я. – И хватит обсуждать меня, давай ты нам расскажешь больше о себе, Северничик. И Дину будет интересно, и для тебя тема поприятней.

– Да особо рассказывать-то не о чем.

Это что же я вижу – нечто похожее на смущение на лице Северина Монтойя? Да быть такого не может.

– Моей семье принадлежат очень большие лесные и земельные угодья в Канаде. Так что я вырос далеко от городского шума и скопления людей. Ну, ты в курсе, Лали, – сверкнул он глазами на меня, и я, подыгрывая, кивнула. – Заготовка леса, его обработка, а также выращивание скота на вольных огромных пастбищах – это то, чем занимались в моей семье на протяжении многих поколений. И, естественно, отец ждал, что я буду это делать. Но я стал его разоча-

рованием. Он считает, что мое шоу... ну, мягко выражаясь, глупая трата времени. Хотя он суровый мужик и пользуется более точными и конкретными выражениями, которые я не стану повторять при Лали. И мы сейчас не много общаемся. Хотя, может, однажды я устану колесить по свету, вернусь домой и оправдаю, наконец, ожидания близких.

Я невольно уставилась на Северина, и от скрытой грусти в его голосе у меня встали волосы дыбом на загривке.

Северин же ответил мне долгим и таким тоскливо-нуждающимся взглядом, что я немедленно отвернулась.

– Может, уже будем укладываться? – встав, засуетилась я.

– Да, думаю, пора. Давайте вместе уберем со стола, – подорвался Дин, а в глазах Северина вспыхнуло предупреждение.

Но я его старательно проигнорировала и вскоре тащила Дина в мою спальню.

– Лали, можно тебя на минутку? – Северин замер огромной угрожающей тенью в задних дверях.

– Иди ложись, я скоро приду, – сказала я Дину.

Я подошла к Северину, и он посторонился, предлагая мне выйти наружу, а затем плотно прикрыл за мной дверь.

– Что тебе нужно? – раздраженно спросила я.

– Ты не посмеешь трахаться с ним. Не тогда, когда я буду все слышать в комнате наверху, – тихо прорычал он мне в лицо.

– Северин, я тебя не звала! Ты сам навязался, так с че-

го это я должна под тебя гнуться? Я не видела своего парня неделю и хочу его, – упрямо глянула я ему в глаза. – Если тебя смущает что-то – можешь убираться и найти себе грудастую подружку на ночь!

– Юлали! – рык Северина стал ниже и отозвался вибрацией в низу живота. Опять заставляя желать того, чего я не хотела. – Ты – пара моего волка, и прошли всего сутки с последнего дня полнолуния! Если ты спровоцируешь меня, я сорвусь! Дин – хороший парень, но если ты позволишь ему заняться с тобой сексом, я приду в вашу чертову спальню и, покалечив его, возьму тебя на его глазах. И ты знаешь, что я не вру! Я понимаю, что ты пытаешься продемонстрировать свою охренеть какую независимость от животной половины. Но поверь, когда я буду жестко трахать тебя прямо как в ту первую ночь, ты будешь отвечать мне, а твоему славному парню придется смотреть на то, как ты извиваешься, сходя с ума от наслаждения, и кончаешь раз за разом подо мной! Как думаешь, ему это понравится?

– Ублюдок, ты что, угрожаешь мне?

– Нет, я просто обрисовываю, что будет, если ты сейчас поступишь неблагоразумно.

– Я не позволю тебе себя и пальцем коснуться!

– Позволишь. И ты это знаешь. Потому что запах влаги между твоих ног я прекрасно чувствую. И возбудилась ты совсем не из-за Дина.

– Ты никогда не устает быть таким самовлюбленным

говнюком с манией собственной исключительности?

– Даже если я и такой, то ты все равно хочешь меня.

– Пошел ты! Я не собираюсь отказываться от секса просто потому, что ты вперся в мою жизнь.

– Но, к твоему сожалению, тебе придется. Хотя бы пока я в городе.

– Ты больной! Вали к своим фанаткам и забудь о моем существовании.

– Так я и сделаю, как только уберусь от тебя подальше! Не думай, что я весь прям в счастье умираю от того, что в непосредственной близости от тебя, единственное, о чем я могу думать, – это как нагнуть тебя в первом попавшемся углу и воткнуться так глубоко, как только ты можешь выдержать, и делать так большую часть долбанных суток напролет. Поверь, меня это совсем не радует, учитывая, что ты ясно дала понять, что не намерена становиться частью моей жизни и куда-либо ехать со мной. Надеюсь, когда я уберусь подальше и мой волк будет точно знать, что не может дотянуться до тебя в любой момент, я смогу выбить тебя из моих мозгов, трахая каждую ночь кого-нибудь.

– Зачем ты вообще приперся в мой дом?

– Я не привык отступать. Так что у меня есть две недели, Юлали. И как бы ты ни бесилась, я буду рядом каждую свободную минуту. Возможно, для тебя парная метка ничего и не значит, но на меня она действует, и бороться с этим бессмысленно. Так что я даю тебе эти две недели рассмотреть

меня и решить, чего ты хочешь.

— Для меня все решено. Менять ничего в своей жизни из-за совершенно незнакомого мужчины я не собираюсь, будь наши волки хоть триста раз парой.

— Поговорим об этом в конце месяца. И, если не хочешь проблем, не провоцируй мою животную сторону. В отличие от тебя, я ни отрицать, ни запирать ее не намерен.

— Если я правильно тебя понимаю, ты твердо намерен крутиться вокруг меня, торчать в моем доме и отравлять мне жизнь все эти две недели, и никаким образом от тебя не избавиться?

— Назовем это процессом ухаживания с моей стороны.

— О'кей. Я потерплю, раз уж это неизбежно. Но после этого ты исчезнешь и не появишься никогда в моей жизни.

— Никогда обещать не могу. Когда-то нам придется задуматься о детях.

— Хрен с тобой, ты появишься много лет спустя, и тогда мы решим, что с этим делать. И не вздумай хоть что-то ляпнуть Дину.

— Ты его любишь?

— Не твое дело.

— Ты же понимаешь, что он не тот, кто тебе нужен, и ты просто морочишь парню голову. Ты не останешься с ним.

— Северин Монтойя, пошел ты на хрен!

Я ушла в спальню и, сославшись на усталость, предложила Дину просто заснуть. Он несколько раз вздохнул, но не стал

настаивать и вскоре уснул. А я еще несколько часов лежала и четко слышала, как в комнате наверху вертится в постели один невозможно раздражающий тип.

Интересно, он спит обнаженным?

Глава 7

Утром я слышала, как проснулся Дин, но притворилась крепко спящей. Он, одевшись, слегка коснулся моего лба губами и ушел. Едва хлопнула входная дверь, я подскочила и, лелея свое отвратительное настроение и неудовлетворенность, пошла на кухню, привлеченная непривычными потрясающими запахами.

Северин стоял у плиты в одном моем чертовом узком бледно-розовом полотенце на бедрах, которое висело так низко и свободно, что было удивительно, как оно вообще умудряется там держаться, и колдовал над сковородой. При каждом движении рельефные мускулы перекатывались под кожей его спины и поясницы. Там же, где неширокая полоска махровой ткани заканчивалась, т.е. чуть-чуть ниже его ягодиц, открывался роскошный вид на крепкие волосатые ноги с мощными, четко очерченными мышцами бедер и икр. Мерзавец стоял, широко расставив свои конечности, и что-то напевал, колдуя над сковородой, как заправская хозяйка.

И опять я с точностью до секунды поняла, когда именно он почувствовал мое присутствие. Было ощущение, что каждая линия его тела стала более резкой и отчетливой, выдавая мгновенное напряжение, и даже долбаное полотенце буквально подпрыгнуло, когда его задница словно отвердела. Не пойму почему, но эта реакция его тела на мое появление

совершенно очевидно взволновала меня, что опять же мне жутко не понравилось. Потому как все, что продиктовано произвольными реакциями моей животной половины, изначально было раздражающим фактором. А то, как низ моего живота болезненно отозвался на вид этого вконец офигившего нудиста на моей кухне, никак не могло быть откликом моей разумной человеческой половины.

– Ты что, и при Дине тут так ходил, стриптизерша по призванию? – мрачно пробурчала я, включая кофеварку.

– И тебе доброе утро, – глянул на меня черед плечо нахал. – Интересно, ты хоть иногда бываешь в хорошем настроении?

– Да. Когда просыпаюсь в собственном доме в полном одиночестве, и на кухне перед плитой не выплясывают голые самовлюбленные засранцы в моем любимом полотенце.

– А, так дело в полотенце? Не знал, что ты так трепетно привязана именно к этому. В таком случае не смею тебя больше расстраивать. – И он сдернул его с себя и протянул мне. – На, держи. Теперь ты улыбнешься?

Это он что, типа, смутить меня пытается? Но тут он в пролете.

– Я не просто улыбнусь, думаю, буду просто хохотать до слез, если ты теперь еще и обернешься ко мне передом, а к лесу задом.

– Ну, тогда буду счастлив тебя порадовать.

И эта сволочь действительно обернулась, демонстрируя

мне очень впечатляющую эрекцию.

Да ладно, Монтойя, как же это предсказуемо. Чем ты, собственно, надеешься вывести меня из равновесия? Здоровенным стояком? Ну, тут ты уж точно в полете.

Хотя, черт... Дерзко торчащее у его живота оружие... э-э-э-э... я бы могла сказать, убийства однозначно не могло стать поводом для смущения у его и так чрезмерно самоуверенного владельца. И как ни прискорбно – для моего смеха тоже. И под моим чисто научно-изучающим взглядом он, похоже, в одну секунду стал еще тверже и больше, делая рисунок перевивающих его выпуклых вен более отчетливым. Я даже со своего места прекрасно видела пульсацию и легкое подрагивание этого внушительного ствола, и эта реакция отзывалась синхронными легкими спазмами моих внутренних мышц. Похотливая волчица вдруг впервые так нетерпеливо встрепенулась во мне. Обычно мне легко удавалось полностью подавлять ее, и она не подавала никаких признаков жизни или своих животных желаний.

– Не слышу твоего радостного смеха, Лали-детка, – голос Северина стал ниже, выдавая, что веселье – это тоже последнее, что он чувствует под моим пристальным взглядом.

Я сделала шаг ближе к нему, не сводя глаз с выставленного к обозрению оборудования, и отметила, как еще сильнее напряглось все тело этого соблазнителя блохастого, словно он невыносимо желал перепрыгнуть разделяющий нас стол и оказаться прямо передо мной. На самом деле, его желание

было так очевидно, что я даже злиться моментально перестала.

Подойдя к нему вплотную, я прижалась боком к его обнаженному телу и услышала шумный выдох с еле уловимым рычанием. Не дотрагиваясь руками, Северин наклонился ко мне и прикоснулся к моему виску кончиком носа, часто и громко дыша. Дав ему пару секунд, я открыла шкаф за его спиной и взяла кружку. Сделав вид, что даже не замечаю, как он потянулся, едва не свалившись вслед за мной, пошла к кофеварке и, налив себе полную кружку, уселась опять напротив замершего Северина.

И надо сказать, что села я вовремя, потому как еще немного – и мои ноги бы подогнулись. Какое бы каменное лицо я ни делала, все мое нутро сводило волнами дрожи в такт рваному дыханию Монтойи.

– Кофе будешь? – Вот лучше бы молчала, потому что голос выдал меня, став скрипучим.

Лицо Северина лишь на момент стало гневным, но затем он еще раз втянул воздух, задрав подборок, оскалился, вторя волчьей морде на своем горле.

– Хорошая попытка, Лали. – Голос его стал еще грубее, а ухмылка просто-таки дьявольской. – Почти удачная. Только ты забыла про чудный аромат, который выдает тебя. Я запомнил каждый его мельчайший оттенок, когда ты исполняла самый крышесносный танец, который я видел в своей жизни, трахая мое лицо. Я пропитался этим запахом весь,

облизывая тебя, заставляя извиваться и орать до тех пор, пока у тебя уже голоса не осталось. А потом я выскользнул из-под тебя и пересчитал языком каждый позвонок, добираясь до твоего плеча и до моей метки. Мне в первый момент показалось, что ты член мне сломаешь, так его сжало внутри у тебя. И когда я долбил тебя так, что спинка кровати лупила в стену с грохотом, ты опять кричала и сама насаживалась на меня, умоляя трахать сильнее. И я дал тебе все, что ты попросила. Черт, ты так мне взорвала мозг, что я совсем озверел. Я боялся, что порву тебя надвое, а ты требовала еще... – С каждым словом голос Северина становился все больше похож на бархатистое урчание, и он наклонялся ко мне.

А мне отчаянно хотелось вцепиться в его лицо, чтобы заставить заткнуться, потому что каждое слово провоцировало вспышки в мозгу, освещая яркие картинки наших мокрых сплетенных тел. Я увидела себя в коленно-локтевой, изогнувшуюся в экстазе, и Северина, мощно вбивающего себя в мое тело.

– Может, ты не тем в этой жизни занялся, Монтойя? У тебя явный талант порнорассказы писать. Прямо слушаю и почти верю.

Я встала и пошла к себе, но Монтойя вдруг оказался у меня на пути, причем пресловутое полотенце раздора опять болталось на его бедрах. Хотя вид спереди это мало поменяло в силу неких физиологических особенностей.

– Да ладно, не злись, Лали-детка. Я же делаю доброе дело

и пытаюсь вернуть тебе память. Поверь, та ночь стоит того, чтобы помнить ее во всех мельчайших подробностях, как я.

– Послушай, мальчик-леденец, мне прекрасно живется и без этих воспоминаний, а если они тебе покоя не дают, то это твоя проблема. Если ты все же хочешь пробыть в моем доме все те дни, что собирался, то очень советую тебе прекратить эти твои стрип-шоу и проникновенные беседы. Иначе я найду способ и от тебя избавиться, и Дину это как-то объяснить.

– Ладно, остынь, Юлали! Я не нарочно провоцирую тебя. Просто когда ты злишься, ты становишься охренеть как сексуальна.

– Монтойя!

– Все, я молчу! Давай ты вернешься, и мы позавтракаем в теплой дружеской обстановке.

– Я не завтракаю дома. Не люблю готовить. И ты однозначно не в моей френд-зоне!

– Ну, тогда очень удачно, что я все приготовил. И солгу, если скажу, что обрадовался бы, если бы узнал, что ты можешь, глядя на меня, думать только о дружбе.

– Монтойя, лучше замолчи!

Я вернулась, и мы молча уселись поглощать мясо, сверля друг друга взглядами. К концу завтрака я уже почти привыкла к присутствию Северина, потому как, пока он открывал рот только для того, чтобы кушать, он выглядел вполне так терпимо. Тем более готовил он, надо признать, замечательно. Сытый ли желудок или длительное отсутствие дурац-

ких высказываний тому причиной, но из дома я выходила в практически прекрасном настроении. Которое, впрочем, мгновенно рассеялось, как только я обнаружила, что не вижу перед домом моей старушки. В первый момент я опешила и машинально продолжала искать ключи в сумке, будто они могли мне помочь. Кому, черт возьми, могла понадобиться моя убитая жизнью развалюха? Первой мыслью, конечно, были выходки мальчишек-соседей, и я вскипела, предвидя, как буду их наказывать. Но ключи в сумке так и не нашлись, и поэтому новая идея озарила мою голову. Я метнулась обратно, и Монтойя едва успел увернуться от распахнутой двери, которая с грохотом врезалась в стену.

– Монтойя, это ведь ты, сволочь! – заорала я с порога.

Он, закусив губу, стоял и ехидно улыбался.

– Да как ты посмел вообще, уголовник ты долбанный!

– Ты же не думала, что я и правда позволю тебе и дальше ездить на этом отстое? Меня ребята на смех подымут, если ты на этой допотопной стиральной машинке приедешь на шоу вечером.

Я хотела завизжать так, чтобы у него кровь из ушей пошла, но вместо этого закрыла глаза и стала считать про себя облезлых дворняг.

– Говоришь, засмеют тебя? – спросила я, не открывая глаз.

– Поверь, так и есть.

Я открыла глаза и скосила их на тумбу в прихожей, где он оставил ключи от своего одороблища.

– Ну, тогда думаю, что для тебя гораздо предпочтительнее самому туда сегодня прийти на своих двоих! – с милой улыбкой сказала я и, схватив его ключи, вылетела на улицу, на ходу снимая блокировку с дверей.

– Чего-о-о-о? – донесся до меня рев Северина из-за двери.

Две мои соседки, катившие мимо коляски, буквально подпрыгнули, услышав этот рев бизона. Я уже запрыгнула на водительское сидение чудовища с шипастыми шинами, когда Северин вылетел в моем розовеньком полотенце на порог дома прямо под шокированные взгляды молодых мамаш.

Он замешкался, непроизвольно прикрывая на своем теле самое ценное, потому как полотенчишко было весьма условной защитой от любопытных глаз, а я, не теряя времени, сдала назад и, послав ему воздушный поцелуй, рванула с места.

Последним, что я увидела, был Монтойя, с выражением крайней досады захлопывающий дверь моего дома. Понятно, что месть обязательно последует, но сейчас, передвигаясь по городу на монстре, урчание мощного движка которого посылало странную возбуждающую дрожь по телу, я была совершенно счастлива.

Едва войдя в лабораторию, я налетела на высокого блондина, болтающего с моими лаборантками у кофе-машины. Судя по хихиканью и виду сзади, парень должен был быть очень даже ничего.

– Могу я узнать, что делают посторонние в лаборатории? – изобразила я строгую начальницу.

Смех сразу стих, и Таня – одна их лаборанток – шепнула незнакомцу: «Явилась!», явно не принимая во внимание остроу моего слуха.

Блондинчик порывисто обернулся и, обнажив идеальные зубы в улыбке, которую, видимо, отрабатывал неоднократно на жертвах женского пола, шагнул ко мне.

– Юлали Мерсье? – спросил он, продолжая свои попытки сразить меня наповал своим идеальным оскалом.

Я осмотрела с ног до головы еще одну кайфующую с самого себя мужскую особь. Он был старше, чем показался мне на первый взгляд. Очень светлые волосы, стриженные до состояния короткого ежика. Высокий лоб, с едва наметившимися, но отчетливыми морщинками от того, что он, видимо, часто морщил его в раздумьях. Ровная линия бровей и большие ярко-голубые глаза, опущенные очень густыми и длинными ресницами на несколько тонов темнее, чем шевелюра. Небольшой прищур цепких глаз, как, впрочем, и довольно жесткая линия рта и едва уловимая манера сжимать зубы, подчеркивающая немного тяжеловатую, квадратную нижнюю челюсть говорят о том, что трепливый бабник – это только небольшая часть его натуры. Некая маска, чтобы заставить расслабиться окружающих. Чуть впалые щеки, на скуле едва заметный давнишний шрам. Ломаный нос, с практически идеальной формы ноздрами. Он явно в ближайшей родне имеет выходцев из восточной части Германии. Тело человека, постоянно и тщательно следящего за своей физи-

ческой формой.

– Юлали Мерсье? Вы антрополог? – повторил он, одаривая меня очередной улыбочкой, которая, видимо, должна была вызвать у меня остановку сердца.

Но тебе не повезло, мальчик. Не далее, чем сорок минут назад я лицезрела нечто более совершенно исполненное, да и помех в виде одежды там не наблюдалось.

– И зачем на этот раз я понадобилась нашей доблестной полиции? – спросила, обходя его, чтобы взять с вешалки халат.

– Я капитан Матиас Тёрч. Отдел расследования убийств, – отчеканил он и продемонстрировав свое удостоверение. – Меня заверили, что вы сможете нам помочь.

При этом он продолжал изучать меня со смесью профессионального любопытства и четко различимого мужского интереса, растущий запах которого я ощущала от него.

На пару минут повисла пауза, но потом я обернулась к нему, не желая тратить свое время понапрасну.

– Офицер Тёрч, если вы закончили сравнивать тот образ меня, который создали в своем воображении, направляясь сюда, с реально существующим, то, может, перейдем к сути вашего вопроса. У меня не так много времени.

Полицейский ожидаемо слегка смешался, на секунду отводя взгляд, но похвально быстро взял себя в руки и прямо посмотрел мне в глаза, не показывая ничего, кроме чисто делового отношения.

– Просто вы выглядите немного не так, как я себе представлял.

– Да, я в курсе. По-вашему, я должна быть синим чулком в толстенных очках и неряшливой мешковатой одежде, сварливой и со скверным характером?

– Да. О, то есть нет! – В этот раз он действительно смутился, и на его светлой коже щек вспыхнули красные пятна.

– Да ладно, офицер, я не соответствую вашему фантазийному образу только внешне. Что касается характера, тут вы все верно предположили. Так чем я могу вам помочь?

Тёрр мгновенно собрался.

– Я думаю, вы слышали в новостях о том, что нам удалось, наконец, поймать печально известного маньяка, которого журналисты окрестили «Дьявольский фитнес-инструктор»?

– Нет. Я не слежу за новостями и крайне редко вообще смотрю телевизор. – Собственно, у меня его вообще нет.

– Хм-м... Ну, не важно. Но все дело в том, что, после задержания и обыска его загородного дома и участка, были найдены три захоронения. Они отличаются от остальных, в первую очередь тем, что более давние, и тем, что в них девочки 10-12 лет, в отличие от остальных. Мы предполагаем, что это тела жертв, которых он убил еще в момент своего, как говорят эксперты, «становления», до того, как выработал свою пресловутую схему заманивания и убийства девушек в фитнес-центрах. И дело в том, что сам ублюдок не идет на

сотрудничество со следствием и не желает дать нам никаких сведений об этих трех жертвах. А так как захоронения где-то семи-восьмилетней давности, и закапывал он их совершенно обнаженными, то у нас очень мало возможностей опознать девушек.

– Вы хотите, чтобы я помогла вам с реконструкцией их внешности? – спросила я, чувствуя, как холодная боль за этих совершенно незнакомых детей стянула мою диафрагму.

– Да! Вы же понимаете, что эти девчушки – чьи-то дочери или сестры, и кто-то много лет, возможно, разыскивает их...

– Матиас Тёрч неожиданно разгорячился, убеждая меня.

Видимо, этот парень относится к числу тех, кто идет в полицию ради убеждений, и, похоже, реалии жизни еще не успели погасить в нем запал и умение искренне сочувствовать.

– Не нужно меня агитировать, офицер, – прервала его я. – Я помогу. Можете присылать останки. Но у вас достаточно квалифицированных экспертов в управлении.

– Есть некая тонкость в том, что они привыкли в большинстве своем к более «свежему», так сказать, материалу для работы. Да и работы у них очень много.

– Иными словами, вы надеетесь, что я смогу увидеть то, что они пропустят из-за «замыленного» взгляда?

– Ну да. К тому же мне сказали, что у вас есть совершенно эксклюзивные программы для исследования останков и для компьютерной реконструкции лиц. Это ведь очень ускорит

работу?

– Да. Но вы должны учитывать, что программа разработана в основном для реконструкции лиц взрослых... э-э-э... особей. На детях я ее никогда не применяла. Поэтому сходство может быть очень отдаленным.

– Но это хоть что-то. По крайней мере, мы сможем уже сверяться с базами пропавших без вести и искать схожие черты.

– Ну что же, я готова попробовать, офицер Тёрч. На этом все?

Матиас замер, рассматривая меня немного удивленно, но потом опять ослепительно улыбнулся.

– Нет. Кое-что еще. Скажите, а никакая, ну, не знаю там, профессиональная этика ученых, не запрещает мне пригласить вас, скажем, на ужин, пока мы, можно сказать, вместе работаем? Или мне следует дожидаться, когда у нас не будет контактов по работе?

– Этика ученых – нет, офицер Тёрч. Но мой парень будет не слишком счастлив, а я не люблю огорчать его, – усмехнулась я.

– Парень... Ну да, с моей стороны было глупо предположить, что вы одиноки. – Матиас опустил голову и глянул на меня исподлобья, что придало его взгляду какое-то озорное и дерзкое выражение. – Но ведь парень – это не муж, правда?

Знал бы ты, наивный, что у меня полный комплект имеется. Ага, на выбор.

– Не муж. Но все же от приглашения я вынуждена отказаться. – Обычно я отшиваю настойчивых в более жесткой форме, но эта мальчишеская улыбка была мне неожиданно симпатична.

– Ладно. Думаю, для себя я к вашему «вынуждена отказаться» добавлю «на этот раз», чтобы поберечь мое эго. Но могу я называть вас хотя бы Юлали, а не госпожа Мерсье?

Да, видимо, парень не привык сдаваться и останавливаться на полпути.

– Нет, ты не можешь ее так называть! – рявкнул Северин от двери, а мы с Матиасом буквально подпрыгнули от неожиданности. – А вот на «вы» и госпожа Мерсье будет в самый раз. По крайней мере, пока она не поменяет фамилию!

Черт, я опять даже не услышала и не учуяла появления Монтойи. Что же это такое?

Глаза Тёрча сузились.

– Так ваш парень – Северин Монтойя? – спросил он, демонстративно игнорируя самого моего супруга.

– Нет! – резко ответила я, пресекая попытку Северина раскрыть рот. – Он мой брат.

– Брат? – хмыкнул полицейский. – Ну что же, приятно познакомиться, господин Монтойя, брат госпожи Мерсье.

Голос Тёрча был совершенно очевидно насмешливым.

– Не могу сказать того же. – Похоже, моя утренняя выходка с машиной лишила муженька даже тех крох цивилизованности, что в нем были.

Мужчины схлестнулись взглядами и с минуту сверлили друг в друге дыры, а в воздухе прямо дышать стало нечем от запаха агрессии. Монтойя, как любой Альфа, излучал в пространство волны подавляющей энергии, но Тёрч был человеком и, к тому же, видимо, тоже лидером и доминантом по натуре и поэтому плевать хотел на воздействие Северина.

– Офицер Тёрч, думаю, мы обо всем договорились, и вы можете присылать мне материалы, – решила я прервать это мужское рандеву.

Матиас полностью развернулся ко мне и одарил такой многозначительной и соблазняющей улыбочкой, что я прямо расслышала, как у Северина крошатся зубы.

– Да, я пойду, но очень скоро буду здесь снова. И тогда мы, думаю, действительно обо всем договоримся. По крайней мере, я на это очень надеюсь.

И он, отсалютовав Северину, с наглой ухмылкой вышел в коридор, слегка толкнув его плечом.

Северин ответил на это рыком, но в диапазоне недоступном для человеческого уха. Потом он перевел тяжелый взгляд на меня.

– Пришел за ключиками от своей кракозябры? – выпрямилась я.

Но он молча шагнул ко мне и, бросив через мое плечо быстрый взгляд на лаборанток, которые наверняка вовсю пилились на нас, резко подхватил под локоток и потащил в коридор.

– Кто это? – рыкнул он мне в лицо, прижав к стенке.

– Тебе-то какое дело, братец? – усмехнулась я.

– Мне никакого, – попытался сделать непроницаемое лицо Монтойя. – Но как же твоя любовь и преданность Дину?

– Не вижу, что я сделала такого, что позволило бы в них усомниться.

– Ты флиртовала с этим смазливym засранцем.

– Фигня. Но даже если и так. Не вижу в этом никакого преступления.

– Вот как? Да от этого блондинчика, мать его, пахло похотью так, словно он собирался трахнуть тебя прямо сейчас, наплевав на зрителей! – яростно прошипел супруг мне в лицо.

– Повторю вопрос для особо одаренных. Даже если и так, тебя-то это с какого бока касается?

Монтойя вдруг ударил кулаками в стену с двух сторон над моей головой, и лицо его исказилось яростью.

– Если я терплю Дина, уважая то, что вы вместе слишком давно, то это ни хрена не значит, что я стану терпеть кого-то другого, Лали-детка.

– Да ты не охренел ли вообще, сладенький мой? С каких это пор ты решил, что у тебя есть права влезать в мою жизнь?

– С некоторых, моя конфетка. Тебе точное время указать?

– Ты лучше укажи точное время, когда уберешься из моей жизни, и я смогу жить по-прежнему.

– А как это по-прежнему, Лали-детка? Как часто ты поз-

воляешь себе милые шалости, как со мной, за спиной у своего Дина? Этот блондинчик кто? Следующий твой шанс как следует оттянуться? – В голосе Монтойи непонятно чего больше – гнева или презрения.

Ярость выплеснулась из меня чистым белым пламенем, и мой кулак врезался в нос Монтойи с неприятным хрустом. Он отшатнулся, прижимая ладонь к носу, безуспешно пытаюсь остановить кровь.

– Забирай свои чертовы ключи и вали отсюда на хрен, тупой придурок! – рявкнула я.

Монтойя выпрямился и прожег меня злобным взглядом.

– Оставь себе и ключи, и машину, Лали-детка. Считай, это мой первый свадебный подарок, – процедил он и, развернувшись, зашагал по коридору.

Глава 8

Пару часов я жутко злилась на этого Монтойю и уже было решила, что ни на какое дурацкое шоу я не пойду. Да и вообще постараюсь выставить его из моего дома как можно скорее. Как я умудрилась практически сама себя затащить в подобную тупую ситуацию? Изначально своей вины я признавать все же не желала. Это все моя волчица. Безмозглое шлюхастое создание! Моя же беда в том, что именно в этот раз я решила проявить к этой блохастой скотине милосердие и позволить в это полнолуние бегать на свободе. И посмотрите, что эта гадкая сучка преподнесла мне в качестве благодарности за поблажку? Наглого, бесцеремонного и самовлюбленного Альфу, который, видимо, считает, что понятие о чужих личных границах – это нечто из области фантастики.

Конечно, было немного странно, что Монтойя довольно спокойно отнесся к наличию у меня Дина и так взбесился, просто застав за мимолетной беседой с Матиасом.

Но по здравом размышлении и исходя из того, что Северин, в отличие от меня, не особо сдерживает влияние своей зверской стороны на человеческую, все вполне логично.

Будучи самоуверенным засранцем и прирожденным доминантом, Монтойя чувствовал, что Дин ему не соперник. На самом деле, будь Дин Изменяющим облик, он сам пер-

вый отошел бы в сторону, уступая сильнейшему то, на что тот заявил права. И, будь я «правильной», само собой, смирилась бы и уже улаживала свои дела и паковала вещи, готовясь таскаться за своим супругом хвостом по всему миру.

Но так как я неправильная, а Дин не в курсе всех этих иерархических заморочек, то Монтойя и затеял все это долбаное совместное проживание, дабы продемонстрировать мне, так сказать, «товар лицом»... хм... и остальными частями тела, как сегодня утром, и подтолкнуть к нужным решениям. Заодно, естественно, он не мог не понимать, что его близость и постоянный запах в доме не оставит мою волчицу равнодушной, и она будет давить на меня, становясь его личным диверсантом внутри меня. Хренова шалава в самом что ни на есть глубоком тылу!

Естественно, появление на горизонте в этот весьма напряженный момент другой достаточно привлекательной особи мужского пола совершенно не входит в планы Монтойи. Тем более, если я что-то и понимаю, то Матиас по натуре абсолютно другой, чем тихий и склонный к смирению Дин.

Родись Дин Изменяющим облик, он наверняка был бы Омегой. Зачастую многие недооценивают важность таких особей в стае, а тем не менее Омеги ничуть не менее важны, чем властные и заносчивые засранцы Альфы. Омеги – костяк стаи, его основная опора, скелет, на котором она держится. Они гасят чрезмерную агрессию Альф и патологическую жажду к контролю всего вокруг Бет. Жизнь полноцен-

ной стаи невозможна без Омег.

Мой отец никогда по-настоящему не понимал их роли. Он был свято уверен, что Омеги созданы Вселенной только для того, чтобы ему было кем помыкать и кого унижать. Хотя, скорее всего, он вообще до сих верит, что весь мир – это просто огромная хренова зона удовольствий для того, кто родился на этот свет с доминирующим геном.

И, судя по тому, что я сегодня наблюдала, – Монтойя точно такой же. Да, он может мягко стелить и прикидываться способным на компромиссы. Но только до тех пор, пока ситуация развивается в том направлении, какое нужно ему. А стоит только случиться хоть чему-то, способному разрушить эту чудную схему и – вуаля! – как черт из табакерки выскакивает его истинная натура. И вот он, Альфа, во всей красе! Скалится и рычит, разливая вокруг себя свою подавляющую энергию.

Честно сказать, прямо зауважала офицера Тёрча. Видимо, он, хоть и не осознавал, как на него пытался надавить Монтойя, но интуитивно сопротивлялся ему и явно не был похож на испуганного или подчинившегося, когда уходил. Не то что бы это делало его привлекательней в моих глазах и создавало некий романтический ореол. Просто я испытывала гадкое злорадное чувство из-за того, что это так взбесило Северина. Я, конечно, понимаю, что ответ последует. А как же! Нет ничего более мстительного и злопамятного, чем Альфа, которому кто-то посмел перечить.

Отец всегда сурово наказывал меня за любой даже мельчайший намек на неповиновение. Но я уже не та девочка. Если Монтойя попытается подчинить меня с помощью силы, его ждет облом. Будучи еще совсем ребенком, я взбунтовалась против родителя и сделала немыслимое для большинства Изменяющих облик – ушла из стаи, став изгоем.

Я не боялась тогда. А сейчас тем более.

Пиликнул мой телефон. Эсэмэс с незнакомого номера.

«Надеюсь, ты не решила, что все, что произошло сегодня, дает тебе повод не появиться на сегодняшнем шоу? С.М.»

О, похоже, миссия «отомсти дерзкой суке» запущена.

Я: «Именно так».

Северин: «Даже не думай об этом, детка! Иначе я расскажу Дину о степени нашего родства».

Я: «Ха-ха! Хотела бы я это послушать! Типа: Эй, Дин, а мы чертовы оборотни и теперь женаты. Не смей меня».

Северин: «Нет, будет немного по-другому. Эй, Дин, я трахал твою невесту целую ночь напролет, и она требовала делать это жестче и быстрее».

Я: «Как будто он тебе поверит!» – Я уже опять была готова снова врезать этому ублюдку.

Следующим пришло ММС с подписью: «А так поверит?» Я сглотнула, рассмотрев достаточно четкую первую фотографию. На ней была я – вся изогнувшаяся и натянутая, как струна, а Северин зарылся головой между моих ног, облизывая меня, как гребанный умирающий от голода кот миску со

сметаной.

Ярость бухнула во мне взрывной волной и неожиданно отразилась гулким эхом спазмов в самой глубине лона. Сукин сын! Как он посмел это снимать!

На второй фотографии Монтойя был на мне, пойманный явно в момент мощного толчка. Все его тело бугрилось от вздувшихся от напряжения мускулов и блестело мокрой от пота гладкой кожей. Широкая спина была судорожно прогнута в явной попытке ворваться так глубоко, как только это вообще возможно. Мои руки и ноги оплетали его так, что создавалось впечатление, что я хочу затолкать его внутрь целиком. Похотливая сучка!

И опять мое нутро недвусмысленно отозвалось потоком жидкого пламени на эту картинку, поднимая степень моей злости до совершенно новых высот.

Но третье фото убило меня окончательно. На нем я, стоя на коленях, пыталась поместить у себя во рту член Монтойи, вцепившись намертво в его бедра, а он весь выгнулся в экстазе, явно сотрясая окружающий мир финальным криком.

Я дрожащими руками набрала номер, и Северин ответил почти мгновенно.

– Подонок хренов, как ты посмел вообще?! Это что у тебя – отработанная схема? Фоткаешь все свои развлечения в постели? Для чего? Чтобы друзьям хвастаться победами или чтобы потом женщин шантажировать?

– Вообще-то это мои любимые кадры с нашего «свадебно-

го видео», как ты сама его назвала! – огрызнулся Монтойя.

– Что? Да ты совсем рехнулся? Мне такое и в голову бы не пришло!

– Однако же пришло! И не моя вина, что тебе настолько ненавистна твоя вторая половина, что ты предпочла заставить себя лучше забыть, что вытворяла, поддавшись ее влиянию, чем принять все как есть! И я пошутил! Не собираюсь я ничего твоему Дину показывать!

– Я тебе не верю! Надо было удавить тебя во сне, в то первое утро! Вот не зря мне так этого хотелось! – злобно выдохнула я.

– Что-о-о? Это значит, проснувшись утром и увидев рядом с собой в постели роскошного самца, ты не подумала первым делом: «ОБОЖЕМОЙ, как же мне повезло!!!», а стала примеряться, как меня придушить по-тихому?

– Правда, я милая?

– Зар-р-раза! – рыкнул Северин, впрочем, совершенно беззлобно.

– Я требую, чтобы ты удалил это чертово порно с моим участием! – понизив голос, сказала я.

– Раз так, то приезжай вечером на шоу!

– Пытаешься мной манипулировать?

– Я не пытаюсь, я делаю это! Так как насчет того, чтобы приехать убедиться лично, что я удалил компромат, а заодно взглянуть одним глазком, чем же я все-таки занимаюсь?

– Я приеду к восьми!

– Буду ждать с нетерпением!

– Иди к черту, мохнатый недопесок!

– И-и-и-и, Лали-детка!

– Что еще, Рин-тин-тин?

– А ты себе фотки-то сохранишь? – с придыханием ласково пророкотала эта ходячая реклама собачьих консервов.

– И не подумая, такса-переросток!

– Надеюсь, ты зовешь меня таксой, потому что они безбашенные смелые охотники?

– Нет. Потому что пытаются трахнуть все, что движется и не движется, включая и диванные подушки.

Я отключилась и уставилась на фото на экране телефона. Перелистала их несколько раз, испытывая свою выдержку. Вот если бы не я второе действующее лицо, то офигеть какие красивые и жаркие картинки выходят! Я вздохнула и отменила команду «удалить». Пусть немного побудут.

Глава 9

С Дином мы договорились встретиться непосредственно на месте, и когда я с небольшим опозданием подъехала к пустырю, окруженному сетчатым забором и стеной из здоровенных фур и трейлеров, он уже буквально приплясывал от нетерпения. Вся огромная площадь перед огражденным пространством была забита машинами и микроавтобусами, а изнутри грохотал рок, и по небу то и дело мазками мелькали лучи прожекторов. Да, похоже, все тут обставлено с размахом.

– Ух ты! – воскликнул Дин. – Неужели Северин позволил тебе водить его любимого Ти-Рекса?

Понятно, у этого монстра есть еще и имя! Хотя, чему я удивляюсь? К какому бы виду ни относились самцы, их любимые игрушки – это святое! Они испытывают к ним гораздо более трепетную привязанность, чем даже к подружкам.

– Ти-Рекса? У этой образины еще и имя есть? – хмыкнула я.

– Ну, конечно, дорогая! Все поклонники Монтойи знают, что он буквально собрал его своими руками и обожает его. Эта машина – просто произведение искусства, а Северин – бог механики с бриллиантовыми руками! – восхищенно закатил глаза Дин. Вот дожила. Мой парень практически влюблен в моего мужа! Нет, ну кто, кроме меня, мог встрять в

подобную ситуацию?

– Он никогда не позволяет никому даже из членов своей шоу-группы садиться за руль! Как тебе удалось уговорить его позволить водить Ти-Рекса?

– Никому, говоришь?

– Точно тебе говорю, Юлали, – Дин продолжал смотреть через мое плечо на чудище с шипастыми шинами, как на чудное творение. Может, мне начать ревновать? Только надо определиться – к машине или к Монтойе.

– Да, знаешь, я его как-то не особо-то и уговаривала. Он даже не возражал.

Ага, не успел.

Сложновато возражать, когда стоишь почти с голым задом перед шокированными соседями. Видимо, доводы не слишком убедительные получаются, хотя не спорю, весьма запоминающиеся. После сегодняшней новости с эротической видеорегистрацией наших отношений, случившейся якобы по моей инициативе, я уже жалела, что под моей дверью не паслась парочка репортеров, чтобы запечатлеть великого мачо Северина Монтойю в моем крошечном розовом полотенчике.

– Привет, Юлали! – раздался позади знакомый голос, и, обернувшись, я увидела улыбающегося во весь рот Нести. – Север поручил мне вас встретить. Тебе стоит вернуться за руль, Юлали, и заехать на Ти-Рексе внутрь. Больно он приметный. А то потом все стекла от записок и любовных по-

сланий отскребать придется.

– Надо же! – фыркнула я. – Представляю, как Северину бедному тяжело живется.

– Очень рад, наконец, увидеть тебя в реале, Дин. – Нести повернулся к моему парню и тепло улыбнулся, протягивая руку.

– А мне-то как, Эрнест! – расцвел Дин. – Мы с Юлали так благодарны Северину за приглашение!

– За себя говори, – буркнула я под нос, но, судя по хитрому взгляду Нести, он все прекрасно расслышал. Ну, еще бы, с нашим-то слухом!

– Да брось ты, Дин! После того, сколько ты нас консультировал, это меньшее, что мы можем сделать! – продолжал танцы со взаимным расшаркиванием Нести. – Надеюсь видеть вас, пока мы в городе, как можно чаще.

– Ну, я хоть поселиться тут готов. А вот Юлали вряд ли удастся еще хоть раз затащить. Правда, милая? – вспомнил о моем присутствии Дин.

– Чистая.

Вот интересно, что Северин сказал остальным членам стаи по поводу нашей треугольной ситуации? Судя по тому, что Нести держался как ни в чем не бывало, какая-то беседа имела место быть.

Решив не тянуть кота ни за какие части тела, я протянула ключи от кракозябры Нести.

– Давай, вези нас внутрь уже.

Но, к моему удивлению, он поднял ладони, будто я на него пистолет направила и замотал головой.

– Ну нет, уж, Юлали! Я не хочу, чтобы мне Север голову оторвал. Ти-Рекс – это святое! Если он по какой-то причине сподобился дать его тебе, то ты и води!

– Господи Боже! Это всего лишь машина! Кусок железа! К тому же очень уродливая! – возмутилась я.

На меня уставились две пары мужских глаз с таким осуждением, как будто я только что призналась, что приношу в жертву младенцев раз в день, а по праздникам и дважды.

– Ты только так при Севере не говори, – наконец негромко изрек Нести и добавил еще тише: – Хотя, думаю, он тебе и это простит.

Я закатила глаза и стала забираться обратно в шипастого монстра. Нести и Дин залезли назад и трещали не затыкаясь, сыпя какими-то техническими терминами. Нести знаками показал мне, как подъехать к служебному въезду, и охрана открыла ворота без вопросов.

Когда мы выбрались из машины, слышался свист и удивленные восклицания.

– Ого! А я до последнего не верил! – завопил тот самый красавчик, которого я наблюдала последним тогда в хижине, мечтавший отстоять в непосильном бою доброе сексуальное имя всех озабоченных носителей Y-хромосомы.

Сегодня он был очень даже одет, причем в яркий черно-синий кожаный костюм, идеально сидевший на его кра-

сивом теле, и выглядел он еще более внушительным и устрашающим, чем в прошлый раз. Держа в руках шлем, он развязной походочкой приближался к нам.

– Привет, Лали-котенок! Приехала восхититься моим мастерством? – практически промурлыкал он, подходя вплотную.

– Камиль! – голос Нести прозвучал неожиданно резко. – Познакомься, пожалуйста, с Дином Норбитом, парнем Юлали.

Камиль перевел взгляд на Дина, и на секунду я заметила на его нахальном лице что-то вроде сочувствия.

– Рад познакомиться, Дин. Я знаю, что ты много для нас сделал, так что, как бы там ни сложилось, знай – мы тебе благодарны, и всегда будем рады видеть, – прозвучало это неожиданно искренне.

– Камиль! Тебе пора готовиться! – опять резко оборвал болтуна Нести.

– Ага. Я пошел. Поцелуешь меня на удачу, Лали? – наклонился он ко мне, останавливая похотливый взгляд на моих губах.

– Укушу. Хочешь? – Я и не думала отклоняться хоть на миллиметр и радовать этого засранца.

– Камиль! – Теперь голос Нести звучал почти угрожающе. Ухмыльнувшись, Камиль зашагал в какой-то проход между трейлерами.

– Пойдемте, я провожу вас к VIP-трибуне.

Меня не особо интересовало шоу. Я сюда не для этого приехала вообще-то.

– А где Монтойя? – спросила я.

– Он будет занят до конца шоу, но если тебе что-то нужно, просто скажи мне, – ответил Нести.

Ну да, прям так и скажу. Типа, хочу удалить один порно-ролик со мной в главной роли, не можешь мне найти чертов носитель, на котором он записан, и тихое местечко?

– Ладно, я подожду, – буркнула я.

– Надеюсь, вы остаетесь на вечеринку в честь первого шоу в вашем городе.

– Да! – обрадовался Дин.

– Не обещаю. – Это уже, само собой, я.

Нести привел нас в нечто типа большой ложи с мягкими сидениями, откуда открывался вид на бывший пустырь, который теперь был уставлен каким-то приспособлениями. Одни напоминали трамплины разной высоты, другие – просто живописное нагромождение камней. А еще были кольца, как в цирке, узкие спирали и куча всего, чего я не знала. Шум стоял просто страшный. Народ вокруг кипел в нетерпении. В нашей ложе, чуть выше нас, сидели какие-то, видимо, важные особы и вели себя достаточно сдержано. Зато чуть ниже наблюдалась целая толпа девиц, одетых и выглядящих а-ля Санни. Прямо целое стадо с обесцвеченными гривами, силиконовыми бидонами и почти полным отсутствием одежды. Какая прелесть! Видимо, это и есть любимый цвет и размер

этих самых шоу-байкеров. Девушки все время чего-то суетились, ерзали и визгливо вопили друг на друга.

Над пустырем, который, очевидно, временно превратился в арену, загрохотал бас ведущего шоу, но толпа взорвалась воплями, а девицы внизу так завизжали дурным голосом, что я не разобрала ни слова. Если честно, я уже реально страдала от всего этого мелькания, блыmkания, визга и грохота.

Но потом на арене появились парни на мотоциклах, и я уже через пару минут забыла о своем раздражении.

Черт, это и правда было нечто! Ничего подобного я не видела! Казалось, что законы гравитации были изменены или просто напрочь отсутствовали на этой конкретной площадке. Провалиться мне на месте, но эти чертовы волки действительно летали на своих мотоциклах! Причем не просто летали, а еще выполняли невозможные кульбиты, полностью бросая руль, или кувыркаясь в воздухе рядом с мотоциклом почти до самой земли, а потом непостижимым образом оказывались опять в седле!

А еще они взбирались на эти неприступные нагромождения камней, повисая под совершенно нереальными углами, прыгали в кольца с огнем, ездили по этим самым узеньким спиральям...

Толпа неистовствовала, а я сидела, открыв рот, и смотрела на это все. О чем я думала? Ну, конечно же, о том, сколько раз они калечились и ломали себе кости, пока достигли такого уровня мастерства! А что? Ну вот такой я человек! По-

кажите мне рентгеновский снимок вашего скелета, и я буду знать о вас почти все.

– Юлали, правда, они потрясающие? – тряс меня за плечо Дин, и я кивала.

Тут уж не поспоришь.

– Эх, как я хотел бы быть таким, как они, а не простым технарем и заучкой! – неожиданно выдал мой парень, и у меня чуть глаза от удивления не выпали.

Дин, мой всегда уравновешенный Дин хотел бы скакать, как взбесившийся кузнечик, на одной из этих двухколесных машин смерти? Выходит, не только я скрываю от него большую часть своей натуры и жизни, но и он далеко не так открыт и однозначен, как я думала до сих пор. Нет, я, конечно, могла бы ему поведать, что если бы он решил оказаться на месте этих парней, то был бы уже, скорее всего, мертв или ездил в инвалидном кресле. Потому как то, что заживет, быстрее чем на собаке, на Изменяющем облик, причем без всяких последствий, обычный человек будет залечивать долгие месяцы. Но, само собой, ничего такого я не сказала.

Окончание шоу ознаменовалось тем, что ведущий стал реветь нечто хвалебное, толпа орала и взрывалась в оглушительных аплодисментах, а толпа девиц сорвалась со своих мест и дико ломанулась куда-то. Они неслись, стараясь прорваться по головам друг друга в буквальном смысле слова, и это мне очень напоминало съемки сезонной переправы через реку Мара стада антилоп гну. Там они тоже, ринувшись

вперед, лезут по телам товаров, не обращая внимания на то, что калечат тех, кому не повезло оказаться внизу.

Нести опять пришел за нами и куда-то повел. Проходя по очередному просвету между длинномерами и трейлерами, мы издали услышали женский визгливый смех, музыку и даже звон стекла.

Взгляду открылась площадка, на которой был установлен длинный стол и кресла. Также имели место быть все виденные мною тогда в хижине Изменяющие облик и еще парочка незнакомых, и почти вся толпа девиц, состоящая, видимо, из тех, кто выжил в той самой гонке с препятствиями.

Дамы висли на байкерах гроздьями, а для тех это было и приятно, и привычно.

Монтойю я заметила издали, как, впрочем, и он меня. На нем, как аксельбанты на парадном мундире, болтались две девушки в тот момент, когда мы появились. Может, мне и почудилось, но, увидев меня, он сразу сделал попытку освободиться от этого живого украшения. Да не тут-то было. Как только ему удалось стряхнуть одну из пергидрольных блондинок, вторая, посчитав это сигналом к тому, что она сегодняшняя счастливица, запрыгнула на Северина, как чертова мартышка, и впилась в его губы. И хотя я прекрасно видела, что Монтойя быстро отодрал от себя эту долбаную акробатку, все равно моя волчица дернулась внутри и в горле завибрировал глухой рык. Какого черта, глупое животное?! А ну молчать и сидеть смирно! Мне плевать, даже если Монтойя

сейчас разложит одну из этих шалав прямо тут на столе, а твоего мнения на этот счет никто не спрашивал!

Я отвернулась от Монтойи и тут же поняла, что все члены стаи уставились на меня. Чего они ждут? Что я брошусь с кулаками отстаивать честь и телесную неприкосновенность их драгоценного Альфы? Ну да, держите карман шире.

Однако настроение у меня было испорчено, и все впечатление от шоу развеялось, как и не было.

Нести потащил нас знакомить со всеми, кого мы не знаем, всучив по бутылке пива, но я от них с Дином быстро отстала. Все время я чувствовала на себе не только взгляд Монтойи, но и неприкрытое изучение со стороны остальных Изменяющих облик.

Находиться под таким плотным облаком внимания мне было некомфортно, поэтому я, недолго думая, скользнула в один из проходов между машинами и, облегченно вздохнув, стала двигаться подальше от давящего на мозг шума и женских воплей. Дам Дину минут сорок, час и потом уеду – с ним или без него.

Очевидно, мой слух серьезно пострадал от всего этого сегодняшнего шума, потому как, свернув за угол, я неожиданно для себя натолкнулась на парочку, занимающуюся сексом. Девушка стояла, упершись руками в гладкий бок трейлера, а сзади в нее вколачивался не кто иной, как насмешник Камиль. И вот он-то, судя по тому, что уставился с похабной улыбочкой прямо на меня, слышал меня издали.

Поймав мой взгляд, засранец схватил девушку за волосы и, заставив прогнуться, стал двигаться с удвоенной скоростью и силой, продолжая смотреть мне в глаза. Девушка прямо зашлась в столах и криках, умоляя его не останавливаться.

Я уже почти развернулась уйти, когда он, зарывав, вышел из тела женщины и, содрогаясь, кончил ей на спину. Как ни странно, моя похотливая сучка внутри не проявила к действию ни малейшего интереса, хотя могу авторитетно заявить, что этот мерзавец был реально хорош.

Я шагнула в темноту, но тут раздался насмешливый голос Камиля:

– Ну, и как тебе мое мастерство?

– По мне, так тебе еще учиться и учиться! – огрызнулась я.

– С кем ты говоришь, Камиль? – охнула девушка.

– Ты еще почти ничего не видела, так что не суди! – крикнул он мне вслед, игнорируя вопрос своей подружки.

Пройдя еще несколько шагов, я налетела на Монтойю.

– И где ты была? – грозно рыкнул он, поглядывая за мое плечо.

– Окрестности осматривала! – Сейчас Северин не мог не слышать Камиля с его партнершей, потому как, судя по звукам, они сразу перешли ко второму блюду.

– Нашла что-то любопытное для себя? – Рот Монтойи дернулся в раздражении.

– Не-а. Абсолютно ничего такого, что могло бы хоть как-

то заинтересовать меня.

Монтойя наклонился вперед и приняхался. Ну да, осто-лопина мохнатая, если ты пытаешься уловить запах возбуждения, так его нет.

– Монтойя, хорош меня нюхать, возможно, тебе никто не говорил, но это невежливо! Можешь даже погуглить значение этого слова, потому как сомневаюсь, что ты в курсе, что оно значит. А заодно еще поинтересуйся такими понятиями, как личное пространство и шантаж.

– Тебе понравилось шоу? – спросил он, пропуская мою колкость мимо ушей.

– Шоу понравилось. Но ты знаешь, что я здесь не ради него.

– Конечно, знаю, Лали-детка. Только у меня есть одно условие.

– Трахаться с тобой я не стану! – жестко ответила я.

– Ну, не стоит быть столь категоричной, а то потом обидней будет признавать поражение! Но мое условие не включает в себя приятные телодвижения, колючка.

– Тогда что? – насторожилась я.

– Ты смотришь со мной этот ролик от начала до конца перед удалением.

– И все?

– И все.

– Договорились. А после ты собираешь свои манатки, возвращаешь мою машину, забираешь своего динозавра и исче-

заешь из моей жизни, – упрямо посмотрела я прямо в золотистые глаза моего супруга, чтоб его понос неделю полоскал.

– У меня одно условие, а у тебя целый список! Разве это справедливо? – поднял он брови в наигранном возмущении. – К тому же я не могу вернуть то старое ржавое ведро, потому как его уже просто не существует в природе. Да и Ти-Рекса я забрать не могу. Все уже в курсе, что мой малыш теперь твой. Так что смирись и будь с ним понежнее. Но в остальном я согласен. Если после просмотра ты снова скажешь мне убираться, то я уступлю. По рукам?

– По рукам, – кивнула я, хотя и чувствовала, что этот хитрый кобелина что-то задумал.

Глава 10

Монтойя протянул мне свою ручищу, но я сделала жест, предлагающий ему идти вперед и показывать дорогу. Хрен я ему позволю себя коснуться. Достаточно и того, что стоило мне его увидеть, и чертова парная метка начала пульсировать по нарастающей, испуская в тело волны все усиливающегося жара. Моя волчица от этого не просто ерзает, как обычно, а почти рычит на меня, требуя большей близости со своей парой. Все же эта идея прийти сюда была реально паршивой. Просто ненавижу терять контроль над ситуацией и прежде всего над своими эмоциями и инстинктами. А сейчас происходит именно это. И осознание того, что это просто действие гормонов пары и бунта моей животной половины, нисколько не помогает мне бороться с тем, что усиливается во мне от такой близости Монтойи.

Он хмыкнул и, беспечно пожав плечами, зашагал между трейлерами. Мы подошли к одному из них и остановились. Снаружи он весь такой сверкающе-серебристый, обтекаемый, как космический корабль, и огромный, как автобус. Ну, еще бы, Мистер Звездный Мальчик на меньшее не согласен.

Монтойя открыл дверь и насмешливо церемонно склонился.

– Дамы вперед!

Я замешкалась и посмотрела на него пристально, стараясь разгадать его игру.

– Мы заходим, смотрим твоё кино, удаляем, и я уйду. Так? – ещё раз уточнила я план операции.

– Да, Лали-детка. Мы заходим, смотрим наше кино, удаляем, если ты захочешь, и ты уходишь, если только сама не решишь остаться.

– Не рассчитывай на это, – твердо проговорила я.

Монтойя, как ни странно, даже не спорил, просто опять пожал плечами и кивнул мне на открытые двери.

Я осторожно зашла туда, словно продвигалась по минному полю.

– Да ладно, смелее, сладенькая. Чего ты крадешься, будто на тебя из-за угла монстр выпрыгнет, как в тупом ужастике, – засмеялся Северин.

– Ну, в отличие от безмозглых блондинок из ужастиков, я точно знаю, что здесь прямо сейчас есть пара монстров. И они точно не за углом, – огрызнулась я.

– Неужели ты, и правда, настолько ненавидишь нашу животную сущность? – спросил Монтойя, и я услышала в его голосе напряжение.

– Ненависть – совершенно непродуктивная эмоция, Монтойя. То, что я испытываю по поводу вынуждения уступать своё тело и разум время от времени тупому животному, не имеет отношения к ненависти. – Ага, почти не имеет.

– Но это ведь глупо – отрицать то, кем ты родился, и пы-

таться отказаться от своей сущности и запереть ее, просто потому, что тебе это не нравится. Твоя волчица – такая же часть твоей личности, как и ты. И чем больше ты станешь упорствовать в том, чтобы лишать ее свободы, тем неистовей однажды будет ее ответ.

Он мне что тут, лекцию читать собрался?

– Слушай, Монтойя, отвали от меня, о'кей? Мы пришли сюда не вести беседы о судьбе моей волчицы. Она МОЯ, и я сама решу, что и как с ней делать, ясно? Я справлялась с этим на протяжении стольких лет без посторонней помощи и советов и намерена это делать и впредь. А если у тебя есть какие-то возражения, можешь подать на меня в суд за жестокое обращение с животными или жалобу в какой-нибудь там «Гринпис» или «PeTA» накатать.

– Но, Лали, ты же не полная дура, чтобы не понимать, что чем сильнее ты закручиваешь пружину, тем больнее она ударит когда-то в ответ, когда лопнет, – настаивал он.

Я расхохоталась.

– «Не полная дура» – это, видимо, офигенский комплимент в твоих устах для женщины, Монтойя?

– Не цепляйся к словам! – Мужчина уже явно раздражался. Ну, еще бы, Альфы вообще не сильны в спорах. Ведь все по определению должно быть так, как они хотят, о чем же спорить? – Я пытаюсь сказать, что ты рискуешь и своим душевным здоровьем, и безопасностью окружающих, так нагибая свою волчицу. Бессмысленно бороться с тем, кем

каждый является по факту рождения. Кровь все равно победит! – рыкнул на меня Северин.

– В самом деле? – насмешливо спросила я. – Знаешь, дети алкоголиков и наркоманов – тоже потенциальные зависимые, но это совсем не аксиома, что они ими станут, если будут работать над собой всю жизнь!

– Не сравнивай, черт возьми! – досадливо махнул руками Монтойя.

– Почему? Просто потому, что тебе не нравится мысль о том, что мне отвратительно становиться раз в месяц безмозглой мохнатой животиной, следующей только своим низменным потребностям? Ну еще бы! Ты ведь точно знаешь, что моя волчица на твоей стороне, и тебе было бы весьма на руку, если бы я пошла у нее на поводу! – презрительно усмехнулась я.

– Потому что она, в отличие от такой заумной тебя, лучше знает, что для вас обеих по-настоящему хорошо! – навис надо мной Монтойя.

Меня все это уже достало, и я толкнула его в грудь.

– Все, забудь, Монтойя. Я уйду отсюда, на хрен! Можешь с этой записью делать, что хочешь! Можешь показать Дину и всем своим прихвостням, а можешь плашмя себе засунуть, куда войдет. А я сваливаю!

Северин резко метнулся, загоразивая своей мощной тушей вход в трейлер.

– Стоп, Юлали! Извини! – выставил он перед собой ру-

ки. – Я не имел права навязывать тебе этот разговор. Прости еще раз!

Я опешила. Альфа просит прощения? Причем интуиция подсказывала мне, что совершенно искренне. Мой отец никогда не извинялся. Какими бы ни были отвратительными и жестокими его поступки, он не только не считал нужным за них просить прощения, но я ни разу не ощущала в нем даже намека на раскаяние. Он всегда был прав просто по праву своего происхождения. А все остальные или сглатывают это дерьмо или могут идти куда подальше. Но и то только в том случае, если он сочтет нужным отпустить.

Монтойя, видимо, по-своему истолковал мою растерянность и шагнул ближе.

– Я не хотел с тобой опять сцепиться, Юлали. Я вообще не хочу с тобой ругаться. Я просто хочу понять, что или кто настолько оттолкнул тебя от собственного вида. Ты живешь одна, без стаи, без поддержки, без друзей. Это противоречит самой природе Изменяющих облик. Вот я и пытаюсь понять почему? – Его голос стал вкрадчивым и даже нежным, и он медленно приближался ко мне, словно пытаясь заморозить.

Его глаза буквально омывали меня волнами тепла и почти настоящей заботы. Так, словно всю мою кожу едва ощутимо ласкали трепетные прикосновения, вызывая нечто похожее на эйфорию. Моя животная половина буквально растеклась сладкой лужей и зашлась в довольном урчании, что, собственно, и привело меня в чувство. Мой отец тоже умел

делать это в моменты хорошего настроения. Долбаная способность Альфы – они могли подчинять не только с позиции грубой силы, но путем такого вот завораживающего обольщения, внушения чувства защищенности и надежности. Ну да, поиграй со мной, засранец!

Я встряхнулась и сделала шаг назад, усмехаясь.

– Неудачная попытка, фея Рин-Тин-Тин! А теперь, если ты закончил упражняться, то я желаю увидеть эту запись и уйти домой!

Монтойя недовольно скрипнул зубами и, моментально поменявшись в лице, махнул рукой:

– Проходи дальше.

Естественно, внутреннее убранство трейлера не давало усомниться, что здесь обитает суперстар. Повсюду сверкающий металл, дорогие сорта дерева и роскошные обивки.

– Зачем ты напросился жить ко мне, если тут у тебя настоящие люкс-апартаменты? – обведя взглядом довольно обширную гостиную, спросила я.

Монтойя промолчал и пошел к огромному экрану, закрепленному на стене.

– Присаживайся, – по-барски махнул он рукой в сторону дивана.

– Спасибо, я постою.

– Ну, как хочешь. Только долго стоять придется.

Он отошел от экрана, уселся в кресло и щелкнул пультом. Ну, что сказать? С первых же кадров, судя по тому, что

моя голая грудь уперлась прямо в подрагивающий объектив камеры, мне пришлось признать, что эта чокнутая затея со съемкой и правда моя.

— Брось это и иди ко мне! — донесся из динамиков рычащий от еле сдерживаемого нетерпения голос Монтойи. — Я не могу больше ждать, черт возьми.

— Лежи спокойно, большой мальчик!

Господи Боже, этот мурлыкающий голос распутной шалавы — мой?

Как же я сейчас хочу провалиться сквозь пол этого чертова трейлера.

Когда я наконец отошла от камеры, мелькнув голой задницей, и открылся обзор на ту самую кровать, в которой и проснулась достопамятным утром с лежащим на ней Северином, стало очевидно, что терпеть он на самом деле уже вряд ли может. Мужчина растянулся на спине, вцепившись обеими руками в спинку кровати так, словно пытался удержать себя от того, чтобы броситься ко мне и сотворить нечто непотребное. Все его мощное тело бугрилось натянутыми до предела мускулами и подрагивало, будто к нему подключили напряжение. Гладкая, покрытая татуировками кожа мягко мерцала в тусклом освещении спальни капельками выступившей испарины. Золотисто-карие глаза буквально сжирали меня, словно желая проглотить целиком, не оставив ни единой косточки. От этого взгляда у меня даже сейчас в реальности сбилось дыхание и онемел язык. На меня часто смотре-

ли мужчины. По-разному. Безразлично. Насмешливо. Злобно. С интересом. С похотью. Но ТАК – никогда! Словно мои глаза и тело – это единственное место в мире, где желает находиться его горящий взгляд. Будто он умрет, если оторвется лишь на мгновение.

Я невольно сглотнула, ненавидя себя за то, что Монтойя в своем кресле наверняка слышал этот звук. Как, впрочем, и учуял запах моего возбуждения, слишком уж все было очевидно. Но он сидел тихо, как мышь, я даже дыхания его не слышала. А поворачиваться и встречаться с ним взглядом я совершенно не желала.

– Иди ко мне! – В этот раз с экрана уже слышен совершенно очевидный рычащий приказ, и я вздрагиваю от этого звука. Моя волчица уже легла на пузо и взвизгивала от желания подчиниться. Вот ведь шлюшка!

Я, которая на записи, не спешила выполнить указание Монтойи и приближалась к кровати очень медленно, чувственно покачивая обнаженными бедрами. Я же, которая, так сказать, в режиме реального времени, старалась смотреть на все максимально отстраненно, никак с собой эти кадры не соотнося. Но мои усилия разлетелись в пыль, едва стоило мне зацепиться взглядом за то, как дергалось при каждом моем шаге на съемке тело Монтойи. Так, словно каждый мой шаг – это удар хлыста, вырывающий из него хрипы мучительного томления. Его немаленькая мужская плоть при каждом таком содрогании делала рывок, и это движение рез-

ко отдавалось в моих глубинах, отвечая на эту бесстыдную мужскую жажду моей собственной. Я едва сдерживала желание прижать руку к животу, резкая пульсация в котором почти заставила меня застонать.

– Быстрее! – Это уже не приказ – это рев взбешенного, долго дразнимого самца.

Я хотела уйти. Прямо сейчас. Но не могла показать Монтойе, насколько на меня действуют эти «веселые картинки». Поэтому начала внушать себе, что то, что на экране, не имеет ко мне никакого отношения. Просто два тела, которые безумствуют, совершенно одичав от вожделения. Но это абсолютно бесполезно, потому что с каждым новым кадром в моей голове вспыхивало все больше отчетливых воспоминаний, грозя спалить дотла и мое тело, и мой разум. Черт, похоже на то, что кадры, присланные мне Монтойей, были еще самыми приличными.

Я совершенно тонула в зрелище наших переплетающихся тел, звуках прерывистых стонов и яростном рычании. Как бы мне ни хотелось внушить себе, что все происходящее – отвратительные похотливые проявления моей животной сущности, ничего не выходило. В том, что происходило на экране, была дикость, было безумное наслаждение друг другом, были самые откровенные ласки, но не было ничего, способного вызвать отвращение.

Но худшее для меня заключалось в том, что я все вспоминала. Все до самых мельчайших подробностей. Начиная с

нашей Северином встречи в животном облике и первых заигрываний, до первого раза, когда наши звери и оставили друг на друге парные метки. Вспомнила и бешеное, неутолимое желание, что испытывала к нему, вернувшись в человеческую форму, и то, как не могла насытиться, получить достаточно его кожи, запаха, рук и рта на моем теле и пронзающих движений, в которых он оказался просто потрясающе хорош. Мое тело скрутило в невыносимой жажде почувствовать все это снова, и на этот раз я не смогла бы обвинить в этом только мою волчицу и быть при этом честной с собой.

Нужно признать, что, по меркам людей, Изменяющие облик, несомненно, были сексуально озабоченными существами. Да, природные аппетиты моих соплеменников гораздо выше человеческих. А воздействие животной половины совсем не способствовало развитию сдержанности в подобных потребностях. Совру, если скажу, что по молодости в моменты буйства гормонов не поддавалась желаниям получить удовлетворение в полном объеме. Но я быстро поняла, что среди человеческих мужчин просто нет тех, кто смог бы поддерживать ту же активность, что и я. А связываться с Изменяющим облик в качестве временного любовника я категорически не хотела. Вот и пришлось перенаправить всю свою энергию и страсть на учебу и работу. Не имея возможности получить то, что мне на самом деле требовалось в интимном смысле, я решила, что достаточно просто создать видимость, чтобы хотя бы избегать лишних вопросов.

Многолетние отношения с Динომ стали моей ширмой. Нет, не то что бы мне с ним было плохо или совсем уж «никак», нет. Дин был, можно сказать, добросовестным и даже тщательным в постели. Но настоящего огня между нами не было, ну, с моей стороны уж точно. Это все равно, что, будучи собакой, есть ежедневно сухой корм, точно зная, что на свете есть сочное, вкусное мясо, но ты совершенно осмысленно отказываешься от него, потому что боишься, что, сорвавшись единойжды, вернуться к прежнему уже не сможешь.

А то, что творили мы той ночью с Монтойей, и было моим «срывом». Причем, если судить по тому, что, защищаясь, я предпочла забыть об этом, меня это привело в настоящий ужас. Еще бы, я так долго шла к полному контролю над любыми проявлениями всего, что связано с нечеловеческой частью меня, и тут такой косяк и со столь катастрофическими последствиями.

– Просто обожаю эту часть! – Хриплый шепот Северина заставил меня дернуться и прийти в себя.

На экране я «объезжала» лицо Монтойи, лежащего на спине, извиваясь и издавая звуки, в которых было очень мало от существа разумного, хотя я им в этот момент почти и не выглядела. Воспоминания о том, как ощущался его грешно-умелый рот на моей плоти, заставили меня содрогнуться, но вид тела Северина подо мной буквально добил меня. Его руки скользили и жадно ласкали все, что попадалось на его пути, спина выгибалась, отрывая ритмично движущие-

ся бедра от матраса. Мышцы пресса и ног были напряжены, член выглядел отвердевшим, как стальная труба, и при этом трепетал, истекая влагой. Весь Монтойя в этот момент – настоящая иллюстрация, как должен выглядеть изнемогающий от вожделения мужчина. Каждое его движение и содрогание просто орало о том, как дико он желает именно эту женщину.

– Ты знаешь, что мне голову начисто снесла той ночью? – Резкое дыхание Северина коснулось моего затылка, заставляя сжать зубы от желания просто откинуться на его грудь, требуя ласки.

Монтойя стоял совсем близко, меня окутывал его запах, в котором желания едва ли меньше, чем в моем собственном. Мое тело горело и собиралось устроить мне обезвоживание, судя по водопаду у меня между ног. Метка полыхала, продолжая отравлять мой мозг и каждый уголок тела все нарастающими волнами желания. Я хотела, чтобы Северин Монтойя дотронулся до меня. Нет! Я хотела, чтобы он швырнул меня на пол и трахнул так жестко, как делает это прямо сейчас на той записи. Нет! Нет! Нет!

Я, отчаянно стремясь увеличить между нами расстояние, сделала шаг вперед на трясущихся ногах и попыталась ему сказать, что ничего из увиденного на меня не оказывает никакого воздействия, и немедленно убраться из проклятого трейлера, насквозь пропитанного запахом этого засранца. Иначе, если задержусь еще хоть чуть-чуть, то наброшусь на него сама, и эта ночь станет повторением того сумасшествия

в полнолуние. А потом я буду хотеть этого снова и снова и вскоре позволю этому самовлюбленному Альфе помыкать мной и моей жизнью, управляя мною через примитивные инстинкты и подавляющий голод тела. Нет! Не бывать этому!

Голос не хотел слушаться, и я прочистила горло.

– Я насмотрелась и ухожу, – наконец проскрипела я и развернулась, стараясь не глядя обойти Монтойю.

– Это еще не конец.

– Плевать! – я рычала уже просто от того, что запаниковала.

– Ну, нет уж! – неожиданно тоже пришел в ярость Монтойя, преграждая мне путь. – Мы, черт возьми, договорились!

– Если ты добивался, чтобы я все вспомнила, то радуйся, тебе все удалось! – заорала на него я. – Только на хрена это было нужно тебе? Что ты получил?

– Гребаную справедливость! – проорал он мне в ответ. – Думаешь, мне по кайфу, что с той ночи я хожу как по голове ударенный? Что от этих воспоминаний у меня в башке уже сгорело все, а от постоянного стояка ходить невыносимо больно? Я ни жрать, ни спать, ни работать не могу, а тебе хоть бы что! – Нет, мне не хоть бы что, но ему я этого не скажу. – Теперь пусть и тебя это жрет так же, как меня!

– Хрена с два ты чего-то этим добьешься, Монтойя! – Я отступила и попыталась сделать насмешливое выражение

лица. Жалкая попытка!

– Я уже добился! Ты вся течешь, прямо как в ту ночь! Можешь даже не утруждаться спорить со мной! Я это чую настолько отчетливо, что уже ощущаю вкус твоей влаги на своем языке! Могу поспорить, что стоит мне тебя коснуться, и ты сама запрыгнешь на меня, чтобы иметь меня до тех пор, пока мы оба двигаться уже не сможем!

Я больше не могла противостоять ему в этой перепалке, пока в голове такой бардак, и резко метнулась мимо него к выходу.

– Ну, нет! – взревел Монтойя. – В этот раз ты не сбежишь, пока мы все не выясним!

Он схватил меня за руку, резко разворачивая в движении и вынуждая буквально врезаться в его твердую грудь. Но я не вчера родилась и сделала ему подсечку, от которой он с грохотом упал, роняя что-то из мебели. Я метнулась к вождленной двери, но тут огромная тяжесть ударила меня в спину, роняя на пол и подминая под себя.

– Я сказал, что ты никуда не уйдешь, пока мы не решим, что делать дальше, – прохрипел в ухо Монтойя, навалившийся на меня своим немалым весом со спины.

И самое паршивое, что мне хотелось не скинуть его, а заскулить и выгнуться, прижимаясь ягодицами еще сильнее к его паху. Что я, впрочем, и сделала. Встало у него моментально, и он протяжно и глухо застонал и грязно выругался.

– Что ты, на хрен, творишь со мной? – проскрежетал он и

дернул ворот моей блузки, открывая доступ к своей метке.

– Только посмей! – зашипела я на него, на самом деле трясясь всем телом в желании ощутить его рот опять в этом месте. – Убью тебя!

– Убей! – мучительно простонал он, толкаясь в мою поясницу уже твердой, как камень, плотью. – Потом! Только прямо сейчас не отталкивай!

И его губы жадно впились в это средоточие пламени на стыке шеи и плеча. Меня выгнуло с такой силой, что Северин едва не слетел с меня. Дыхание пресеклось, а рот распахнулся в неистовом хриплом крике. Оргазм катился по моему телу от центра до самых дальних уголков тела и, отразившись, возвращался снова и снова.

– Да-а-а-а! – торжествующе рычал Северин, продолжая атаковать свою метку губами и зубами, продолжая взрывать мне мозг.

Звон разлетающегося стекла и холодная жидкость с запахом пива, брызнувшая на лицо, вырвала меня из этого нескончаемого марева.

– Юлали... что ты... – голос Дина был глухим и растерянным.

Я распахнула глаза, поднимая голову, моментально трезвея, и столкнулась с шокированным взглядом моего парня. Пиво из его разбитой бутылки растекалось пахучей лужей по роскошному ковровому покрытию трейлера Северина. Рядом с Дином стоял Нести с нечитаемым взглядом и яв-

но не выглядел удивленным. Мой парень открывал и закрывал рот, силясь понять происходящее. А потом Дин перевел взгляд на экран, где все еще шла та проклятая запись. У меня все обмерло внутри. Я онемела, не в силах пошевелиться не только из-за веса Монтойи, но и потому, что тело сковало стыдом.

– Слезь с меня, сукин сын, – зарычала я на Северина, и он мгновенно послушался.

Я вскочила и шагнула к Дину, но он, оторвавшись от экрана, буквально отшатнулся от меня, ударившись плечом в стену.

– Значит, он твой брат, да, Юлали? – Рот Дина искривился в болезненно-презрительной гримасе.

– Дин, я... – Опять двинулась к нему, но меня остановило нервное движение его руки, словно ставившей между нами непроницаемый барьер. Да и что я, собственно, ему сейчас скажу? Милый, я только что кончала под Северином Монтойей, но это совсем не то, чем кажется? Ну да, просто гениальное объяснение.

Дин опустил голову и плечи, как будто на него навалилась тяжесть, а потом поднял и обвел всех присутствующих тяжелым взглядом.

– Не звоните мне, – твердо сказал он. – Никто из вас!

И, развернувшись, вышел, оставляя в моей душе огромную дыру. Монтойя и Нести стояли молча, боясь нарушить повисшую давящую тишину. С улицы все еще доносились

музыка и вопли и смех девушек, а из телевизора – звуки нашей с Монтойей страсти.

– Интересно, это вы только вдвоем придумали проверить, или вся ваша гребаная стая участвовала? – медленно спросила я, желая хоть как-то излить яд, выжигающий сейчас все внутри.

– Юлали! – Монтойя двинулся сзади, но, резко обернувшись, я оскалилась и зарычала на него, и на этот раз, как ни странно, моя волчица была на моей стороне.

Будь Северин хоть тысячу раз пара – он и Нести были теми, кто сделал больно. И это все, что она понимала в данный момент.

– Юлали, Северин тут не при чем! – начал прочувствованную речь Нести.

– О, да заткнитесь оба! – рявкнула я. – Считаете себя охренеть какими умными? Думаете, все так здорово придумали, ублюдки? Не смейте больше даже приближаться ко мне. И я не шучу! Увижу хоть одного из вас поблизости – позвоню в полицию. Ясно?

Оба промолчали, а я вылетела из трейлера и пошла, пытаюсь вспомнить, где тут вообще выход. Пройдя между очередными трейлерами и фурами, я вылетела прямо на Ти-Рекса. Злобно ухмыльнувшись, я оглянулась в поисках чего-нибудь тяжелого. Найдя какую-то железяку, я разбила в машине каждое стекло и фару под офигевшими взглядами подбегавшей охраны, которая, однако, так и не вмешалась.

Оглядев поле своей разрушительной деятельности, я вздохнула почти с удовлетворением и, помахивая железкой, зашагала прочь.

Глава 11

Домой я добралась поздно ночью, на попутке и, ввалившись внутрь, не стала включать свет. Собственно, не особо он мне и нужен. Раздеваясь и разбрасывая одежду по дороге в душ, я чувствовала себя странно онемевшей. И только когда я простояла под струями воды столько, что уже дышать в ванной от пара было нечем, меня скрутило. Стыд, чувство потери и боль.

Да, я не любила Дина так, как, наверно, следует в паре. Да, я не планировала никогда связывать с ним свое будущее, прекрасно осознавая, что не смогу ему открыться в том, кем являюсь на самом деле. Да, я никогда не была с ним честной до конца, просто потому что это невозможно.

Но я была привязана к нему. Я ценила то, как он относится ко мне. Дорожила отношениями и тем ощущением постоянства и покоя, что испытывала рядом с ним. Он был мне близким человеком и другом, и наносить ему столь подлый удар я не хотела бы ни за что в жизни.

Может, с моей стороны и было эгоистично удерживать его около себя, зная, что у нас нет будущего, и я никогда не дам ему ни детей, ни семью. Дело в том, что и до появления в моей жизни Монтойи я была уверена, что детей не хочу. Ведь я себе отдаю отчет, что Изменяющему облик, пусть даже и полукровке, нужна поддержка стаи, особенно в подростко-

вый период. Нужны те, кто научит справляться с происходящим в голове и теле и, возможно, даже подавит и направит силой, если сам совладать не сможет. Ведь не научившиеся управлять зверем становились угрозой не только для живых существ вокруг, но и для самого мира Изменяющих облик. Да, я ушла из дома, едва миновав этот период, но это не значит, что мне было легко оторвать себя от всего, что я знала, и научиться жить в мире людей по их правилам. Да, наш мир не сахар, но люди – это вечные одиночки в многомиллионных толпах себе подобных. Невозможно объяснить человеку, что дает стая Изменяющему облик. Это больше, чем просто дом, место, где родился и живешь, друзья, родные и привычный круг комфорта. У людей просто нет такого понятия, как общность, объединяющая стаю. Люди могут быть доминирующим видом на планете, гигантской толпой с чудовищной разрушительной силой, но каждый в этой толпе – сам по себе, хотя и не каждый самостоятельная личность. Так что я не хотела, чтобы мои дети были потерянными среди людей, но при этом мне и не хотелось, чтобы они жили в стае, вынужденные подчиняться самодурству какого-нибудь Альфы типа моего отца. Так что лучше им просто никогда не появляться на свет, чтобы не становиться перед тем же выбором, что и я. Или смиряться перед чьей-то волей, или чувствовать себя вечно одинокими в огромном мире.

В этом смысле Дин в какой-то мере был моей крохотной стаей. Моей поддержкой, постоянным якорем, зоной спо-

койствия. И именно поэтому я и не отпускала Дина, хоть это и несправедливо. Честнее было бы оттолкнуть его и дать двигаться дальше, чтобы он встретил кого-то, кто ему больше подходит. И я бы сделала это. Однажды. Но сделала бы это так, чтобы причинить как можно меньше боли, потому что Дин этого ни в коей мере не заслужил. Не знаю, как это бы случилось, но точно не так, как это провернули Северин и Нести.

Я заплакала впервые за много-много лет. Сейчас, когда я понимала, что Дина больше никогда не будет в моей жизни, я чувствовала себя безмерно потерянной. Так же, как в те дни, когда только покинула родную стаю. Разум говорил, что разрыв с Дином неизбежный и даже, безусловно, правильный процесс, так же, как когда-то и мое бегство, но разве от этого было легче это пережить? Нарыдавшись до тошноты, я выбралась из душа и, дойдя до постели, отключилась мертвым сном.

Будильник, пожалуй, самое изощренное орудие пытки. Конечно, будь я человеком, после вчерашних рыданий я встала бы с опухшей физиономией и совершенно больной. Но я физически чувствовала себя превосходно, хотя на душе от этого не было менее паршиво.

Как всегда, проигнорировав все кухонные принадлежности, кроме кофемашины, я вспомнила, что сегодня я без колес, и пришлось вызвать такси. Чертов Монтойя! Надо было все же забрать его динозавра на колесах, хотя и колотить его

было приятно, зная, как трепетно он относится к этой железке. Но теперь мне придется на выходных озадачиться вопросом покупки какой-нибудь подержанной машины. А учитывая мою осведомленность в этом вопросе, бог его знает, что я еще выберу.

Запихнув свои переживания куда подальше, я выбралась из такси перед нашим институтом.

Странно, но перед входом царило необыкновенное оживление, толпились репортеры со своим оборудованием и куча просто обыкновенных зевак, кому утром буднего дня заняться нечем. Наш дорогой директор что, опять затеял пресс-конференцию? Любопытно, по какому поводу? Я не отличалась особым интересом к делам других людей и поэтому никогда не слонялась по институту, ловя сплетни.

Запахнув на груди куртку, я протискивалась в толпе, стремясь поскорее попасть на рабочее место и глядя только под ноги, чтобы не споткнуться через массу проводов и всяких репортерских прибабасов. Уже на крыльце я была неожиданно схвачена и резко развернута в сторону толпы. Глянув на вцепившегося в мой локоть офицера Тёрча, я едва успела остановиться, чтобы не врезать ему под ребра от неожиданности.

– Доброе утро, госпожа Мерсье! – зашептал он, расплываясь в ослепительной улыбке, и сообщил: – А мы тут все как раз вас ждем!

– Кто это «все» и, собственно, зачем? – нахмурилась я,

совершенно не склонная к милому общению.

– Все! – обвел Матиас оживившихся журналистов, и позади нас нарисовался директор нашего центра Франко Лионели.

– О, Юлали, наконец-то! – эмоционально воскликнул он.

Франко был в большей степени талантливым менеджером, нежели ученым, и поэтому его главной заботой был имидж центра, следовательно, любой намек на то, что его можно хоть как-то повысить, вызывал у него взрыв оживления. Ведь это привлекает щедрых меценатов, а значит, позволит и дальше процветать, и вести новые изыскания.

Франко подхватил меня под второй локоть, и я оказалась буквально зажата между двумя мужчинами, радостно скалящимися под вспышками фотокамер. Интересная мы, наверное, живописная группка: Франко – полный, низенький, в своем пижонском дорожном костюме от Гуччи и туфлях от Феррагамо, я – натуральная блондинка, без макияжа, наверняка бледная, как смерть, с простым хвостом на голове, в джинсах, кроссовках и уютной, но совсем не презентабельной серой трикотажной куртке и высокий белобрысый красавец Матиас Тёрч, в безупречной ярко-голубой рубашке под цвет его глаз и темно-серых джинсах, сидящих на его длинных мощных ногах и роскошной заднице, наверное, ничуть не хуже, чем на моделях, их рекламирующих.

– Что тут происходит? – шепотом спросила я, начиная уже злиться не на шутку.

Но Франко уже взялся распинаться о том, что наш знаменитый исследовательский центр славного города Фарго всегда рад оказать содействие органам правопорядка в меру своих скромных сил и благодаря своему прекрасному оснащению, за что спасибо нашим прекрасным и безмерно щедрым меценатам и бла-бла-бла, дальше перечисление всех выше означенных поименно. Потом он упомянул меня, представляя журналистам. По его словам, я прямо героиня, готовая самоотверженно трудиться день и ночь, не покладая рук в попытке оказать помощь в деле восстановления справедливости и практически мира во всем мире, как, впрочем, и любой ученый в стенах нашего прекрасного института и так далее, и тому подобное.

– Извините, что втягиваю вас в это, госпожа Мерсье, – прошептал Матиас мне на ухо, продолжая улыбаться журналистам.

– Что, по-тихому нельзя было все сделать? Я же не отказалась вам помочь, офицер, – ответила я, хмуро глядя перед собой, не считая себя обязанной гримасничать перед репортерами.

– Дело не в вас. Я все расскажу. Только чуть позже.

– Очень надеюсь, что меня устроит это объяснение, и оно сможет компенсировать то, что вы заставляете меня тут изображать звезду желтой прессы.

– Обещаю, что буду стараться изо всех сил! – И теперь ослепительная улыбка офицера Тёрча была адресована толь-

ко мне, и, кажется, вспышки замелькали еще чаще.

Как только Лионели закончил свою пламенную речь, от журналистов тут же посыпались десятки вопросов. В основном они были адресованы Матиасу и связаны с вновь открывшимися обстоятельствами в деле того самого маньяка. Тёрч, выступив чуть вперед, с достоинством и без лишних слов и движений отвечал на них. Я даже слегка залюбовалась, привлеченная его уверенной позой и манерой говорить так, что у собеседника просто не должно возникнуть сомнений в том, что все сказанное им – чистая правда. Поэтому слегка растерялась, когда из толпы выкрикнула какая-то девица:

– Госпожа Мерсье, а какие отношения связывают вас и звезду мотофристайла Северина Монтойю? Из проверенных источников нам стало известно, что он уже дважды посещал вас на рабочем месте, и ваше общение было весьма эмоциональным! Вы любовники?

Я моргнула, не зная, как, собственно, на это ответить, а репортеры, словно стервятники, тут же подхватили тему и стали просто засыпать вопросами о Монтойе. Если честно, просто ненавижу толпу, а толпа, еще и требующая от меня чего-то, вообще пугала меня до чертиков. Спас меня офицер Тёрч, шагнувший так, чтобы частично заслонить меня от направленных в мою сторону микрофонов и объективов, и абсолютно спокойно сказавший:

– Не вижу, как данные вопросы относятся к заявленной

теме этой пресс-конференции, господа. Думаю, если вы хотите поговорить с госпожой Мерсье по этим вопросам, вам следует договориться с ней об этом заранее, если она вообще согласится. А теперь извините нас – время весьма дорого!

И он, не слушая возмущенные вопли журналистов, втащил меня в здание.

– Простите меня, госпожа Мерсье, что втянул вас в это. Я не думал, что возникнут подобные вопросы, – шагая к лаборатории рядом со мной, смущенно говорил он.

– Вы привезли останки? – прервала я его.

Довольно с меня мужчин, старающихся воздействовать на мою жизнь и манипулировать мною так или иначе.

– Да. Я сам доставил их сегодня утром.

Мы дошли до моей лаборатории, и я развернулась в дверях.

– О результатах я сообщу вам позже, – раздраженно сказала я.

– Я могу остаться и кое-что объяснить вам, – заглянул мне в лицо Матиас.

– Это может подождать, я не люблю посторонних в своих владениях, – отрезала я.

– Но госпожа Мерсье... – начал Тёрч.

– Позже! – И я захлопнула дверь перед его носом.

Я прожгла взглядом обеих своих бестолковых лаборанток, прекрасно осознавая, кто был теми «проверенными источниками», о которых говорила девица с микрофоном. Это,

типа, такая женская месть. Я отказалась хоть как-то обсуждать с этими пустоголовыми причину появлений тут Монтойи, и они отомстили мне подобным образом. Хотя, думаю, они разболтали бы об этом в любом случае.

И снова градус моей злости на Монтойю поднялся еще выше. Он причиняет мне беспокойство и отравляет жизнь не только в моменты своего присутствия, но даже тогда, когда его нет поблизости. Подонок!

Мои ассистентки сочли за благо заняться изображением бурной исследовательской деятельности, дабы избегать снова встречаться со мной взглядом. Я тоже решила выдохнуть и вернуть себе душевное спокойствие единственным реально действующим методом – работой.

Но уже спустя час, разложив костные останки первой жертвы на своем лабораторном рабочем столе, я нахмурилась и снова вышла из себя. Хмурясь все больше, я провожу предварительные тесты и начинаю злиться все больше. То, что мне рассказал раннее Тёрч о жертвах, которых мне предстоит изучить, не может быть ошибкой. Скорее, это похоже на намеренное введение в заблуждение. Схватившись за телефон, я нашла визитку офицера Тёрча и набрала его.

– Наконец-то! – вместо приветствия сказал он.

– Офицер, что это все значит? Вы за кого меня вообще держите? – стараясь не срываться, спросила я.

– Я говорил, что мне нужно с вами поговорить, прежде чем вы начнете, госпожа Мерсье. Но вы сегодня явно не в

духе для общения со мной. – В голосе Матиаса тонкие нотки обиды мужчины, который явно не привык к такому от женщин.

– Офицер, я сегодня не в настроении общаться с кем бы то ни было в принципе. – «Особенно с теми, кто обладает сходными с вами вторичными половыми признаками и считает себя охрененно умным, чтобы технично заставить других делать то, что ему хочется», – не произнесла я вслух. – Но это не является причиной для того, чтобы вести себя непрофессионально. Что за игры вы затеяли?

– Я могу уже зайти и поговорить об этом? – невозмутимо спросил он.

– Как скоро вы сможете добраться?

– М-м-м, скажем, секунд тридцать вас устроит? – проговорил он, и раздался стук в дверь.

Офицер Тёрч вошел со своей фирменной улыбочкой.

– Если честно, я прямо устал тут стены подпирать, – нахально заявил он, и со стороны моих лаборанток донеслись сдавленные вздохи, а в воздухе появился аромат возбуждения.

– Халат! – практически рывкнула я, и мужчина покорно напялил на себя бледно-голубой хлопок, который готов треснуть на его плечах, вдохни он чуть поглубже.

– Можно мне кофе? – попытался разрядить обстановку он, глядя на меня исподлобья тем самым умилившим меня в прошлый раз взглядом озорного мальчишки. Но я не в том

настроении, чтобы это сработало.

– Для начала можно объяснить, что это такое, – указала я на кости перед собой. – А потом я уже решу, заслуживаете ли вы чашки моего кофе.

Матиас стал совершенно серьезным и, подойдя к столу, тяжело вздохнул.

Глава 12

– Это то, из-за чего я с легкостью могу лишиться работы, – нахмурившись, проговорил полицейский.

Я не уловила тонкого смысла и посмотрела на него с недоумением.

– Послушайте, офицер, не вижу пока причинно-следственной связи между тем, что вы дали мне... мягко скажем, неверные сведения о жертвах и вашей трудовой занятостью. Мало того, что они не того возраста и пола, что вы мне озвучили, но к тому же они и гораздо более давние, нежели заявили вы. Так скажите мне, что это за кости, и в какую свою игру вы решили меня втянуть или забирайте останки и проваливайте на все четыре стороны! – угрожающе прищурилась я.

– Эм-м-м, погодите, госпожа Мерсье! Не нужно реагировать так жестко! – опять попытался ослепить меня своим безупречным набором зубов Тёрч, и я вдруг почувствовала абсолютно не конструктивное желание испортить это совершенство хорошим ударом.

– Прекратите! – прошипела я.

– Прекратить что? – спросил он, слегка наклоняясь ко мне и искушая врезать ему еще больше. Моя волчица дернулась и зарычала, предупреждая о том, что он пересек границу ее личной безопасности. Она полностью поддерживает меня в

желании сделать в отношении офицера Тёрча нечто противозаконное. С чего это мы стали соглашаться так часто?

– Прекратите все! Скалиться, будто вы чертова звезда рекламы зубной пасты, и считать меня слабоумной, на ком эти ваши милые улыбочки могут сработать и заставить меня забыть, что вы пытаетесь обдурить меня. – Я отклонила от него подальше, чтобы не поддаться все же соблазну пустить кровь хоть одному самцу за последние сутки.

– Извините, – обиженно буркнул Матиас, тоже отстраняясь. – Не знал, что моя улыбка вас настолько раздражает. Обычно она производит совершенно противоположное впечатление, и я просто пытаюсь выглядеть дружелюбным.

– А давайте мы прекратим обсуждать ваши неуклюжие попытки демонстрации дружелюбия и перейдем уже к рабочим вопросам? – Я выпрямилась и нетерпеливо сложила руки на груди.

– Хорошо, – согласился он. – Что первым вы бы хотели узнать?

– Вообще-то все. Вы заявили, что скелеты принадлежат девочкам 9-11 лет, но я вижу перед собой останки мальчика азиатского происхождения, старше, по меньшей мере на год указанного вами возраста. К тому же он был убит даже по моим предварительным анализам двадцать-двадцать два года назад. И я ни за что не поверю, что ваши эксперты могли так ошибиться, даже при всей занятости и «замысленности» взгляда, о которых вы мне тут вдохновенно пели в свой про-

шлый визит. Поэтому я хочу знать: какого хрена происходит, офицер Тёрч?

Матиас оглянулся на моих притихших ассистенток, которые наверняка опять изображали из себя шпионские подслушивающие устройства, и, помявшись, спросил.

– А мы можем поговорить... м-м-м... скажем, за обедом, на который я вас прямо сейчас приглашу?

Я уже открыла рот отказаться, но потом все же кивнула и пошла к выходу, снимая халат. Когда мы шли по коридору, Матиас опять решил включить режим обаяшки.

– Скажите, Юлали, вы всегда так реагируете на мужчин, пытающихся как-то показать, что вы им нравитесь, или это только мне так повезло?

– Обычно я просто посылаю, не стесняясь в выражениях. Так что вам действительно несказанно повезло. Но не стоит испытывать судьбу слишком долго, – мрачно ответила я, и дальше мы шли молча.

В ресторанчике в двух кварталах от института мы расположились в уютном уголке у окна, выходящего на очень милый внутренний двор с фонтаном в старинном стиле. Как только отошел официант, записав наш заказ, Тёрч уставился на меня любопытным взглядом.

– Самый странный выбор пищи, который я слышал от женщины. Большой стейк с кровью, никакого гарнира и овощей и минимум специй и соли. А в том десерте, здоровенную порцию которого вы заказали, такое количество кало-

рий, что способно довести до обморока большинство моих знакомых девушек. Любопытно.

Я пожалала плечами. После всех этих стрессов я чувствовала, что нуждаюсь в белке, и это точно не могло быть какое-нибудь там тофу. А нечто жирное и сладкое было сейчас просто тем, что настоятельно просила душа. Не вижу причин стесняться своего аппетита.

– Вам было бы привычней, если бы я заказала кучу травы без всякой заправки и запила это все такой же травяной бурдой без сахара с вычурным названием, как это сейчас модно? Тогда вам стоило позвать на обед не меня, а одну из моих лаборанток.

Матиас рассмеялся и покачал головой.

– Вы очень странная, госпожа Мерсье. Интересно, вы хоть имеете представление, как действуете на мужчин? – глянул он на меня искоса, на секунду позволив проявить во взгляде всю силу своего влечения ко мне, но быстро собрался и спрятал это.

– Разве мы пришли сюда для личной беседы и флирта, офицер?

– Нет. Это не флирт. Просто на самом деле с того момента, как я увидел вас, чувствую себя... как-то необычно. Не могу перестать думать о вас и никак не могу понять почему, – усмехнулся он задумчиво и тут же встряхнулся. – Но вы правы, давайте к делу. Итак, рассказываю все и без утайки. Останки, которые я передал вам для исследований, были

найжены позже и в другом месте, нежели остальные жертвы маньяка, хотя на территории того же поместья. Первоначально при беглом осмотре они были определены как девичьи, единственное, что удивило – то, что они не были обычного типажа жертв нашего «Адского Фитнесс-тренера», потому как остальные двадцать три жертвы – девушки в возрасте от 16 до 19. Как я и говорил, предварительно эти останки обследовал молодой и малоопытный патологоанатом. Но позже он осознал свою ошибку и пришел ко мне, указав именно на то, о чем говорите и вы. Захоронения гораздо более давние, и там действительно мальчики, а не девочки, как показалось ему изначально. Мы ловили его почти пять лет, и, естественно, на волнах первой эйфории никто не обратил внимания на все эти мелочи. Главное, дело закрыто и все такое.

– Такое вполне возможно, особенно, как вы сказали, при беглом осмотре, офицер. Y-хромосома в детстве задерживает развитие скелета у мальчиков, и до определенного возраста практически нет различий, присущих полу в дальнейшем. К тому же должна отметить, что осмотренные мною останки явно принадлежат мальчику хрупкого сложения, вызванного тем, что он рос в очень плохих условиях и, скорее всего, недостаточно питался. Состояние зубов ребенка также на это указывает. Так что его вполне могли принять за девочку из-за излишней хрупкости.

– Понятно, – кивнул Матиас.

– А вот мне совсем непонятно. Почему вы все же пришли

ко мне, если уже все это и так знали?

– Понимаете ли, госпожа Мерсье, когда я отправился с выводами парня к начальству, упомянув еще и о том, что эти жертвы относятся к гораздо более раннему периоду, мне велели заткнуться. Этот старый заср... хм-м... мой непосредственный начальник сказал, что нечего гнать волну. – Офицер Тёрч нервно дернулся, сильно злясь. – Мол, дело прошлое, и все равно возможности реально докопаться до правды нет. Значит, нечего портить общий имидж управления всякими. Типа, работы и без этого хватает. Короче, сказали нам с тем парнем-экспертом захлопнуться и сидеть на заднице ровно. Я уже и был готов сдаться, но тут этот парнишка сказал, что мы можем обратиться к вам. Он был уверен, что вы не откажете.

– Погодите-ка. Вы хотите сказать, что вдвоем с тем парнем решили обойти свое начальство и все же расследовать это дело?

– Да, – простодушно пожал плечами Матиас.

– Несмотря на то, что вас реально могут уволить за самоуправство и разглашение материалов следствия?

– Ага! – хитро ухмыльнулся Тёрч. – Не говоря уже о наглом похищении останков из хранилища улик.

– Но почему? – удивленно уставилась на него я.

– Знаете, госпожа Мерсье, когда я много лет назад после академии пришел в управление, я был глупым пацаном, свято верящим, что любое преступление, а особенно убий-

ство, должно быть расследовано, несмотря ни на что, и виновные должны понести наказание, чтобы души убитых... ну, не знаю, наверное, обрели покой. Прошли годы. Меня не раз уже макали физиономией в дерьмо реальной жизни, и приходилось проглатывать и смиряться с тем, что не всегда справедливость торжествует. Я уже не тот наивный мальчишка. Но это не значит, что я перестал верить в то, во что верил с самого начала карьеры. Нельзя останавливаться на середине, если есть возможность дойти до конца. Как бы там ни было – девочки или мальчики, – эти несчастные дети имеют право на то, чтобы вернуть себе имена и лица, и чтобы их семьи, наконец, узнали, что с ними случилось. Пусть и спустя столько лет.

Лицо Тёрча сейчас было мрачным и решительным, и он прямо смотрел на меня. И я увидела под маской легкомысленного болтливового повесы мужчину, наделенного твердым, даже жестким характером, неукоснительно следующего своим идеалам, каким бы испытаниям они ни подвергались в процессе жизни. Он ежедневно имел дело с мерзкими сторонами человеческой натуры, с ее самой грязной изнанкой, но это лишь закалило его, не извратив и не запачкав. И это вызывало мое искреннее уважение и желание помочь, чем могу.

– Так сегодняшняя пресс-конференция...

– Да, это попытка прикрыть мою горящую задницу. Ой, простите, госпожа Мерсье! – засмеялся Матиас.

– Юлали. Думаю, вы можете называть меня Юлали.

– Спасибо. Я это ценю. К тому же, не знаю, как вам это объяснить, но я чувствую в этом деле нечто важное. Так, словно под тонким верхним слоем кроется гигантская куча дерьма. Вот черт, опять я! Простите, Юлали. Я просто пытаюсь сказать, что чувствую, что все не так просто. Как старый охотничий пес чую присутствие здоровенной и, возможно, опасной дичи, и то, что ее нельзя увидеть пока глазами, совершенно неважно.

– Скажите, Лионели хоть в курсе, или его вы тоже втемную использовали?

Матиас хитро улыбнулся и покачал головой.

– Франко инфаркт хватит, когда он узнает, – засмеялась я в ответ.

– Надеюсь, он не узнает. Теперь, когда сообщения о вновь открывшихся обстоятельствах дела и вашем в нем участии стали новостью номер один, мое начальство не рискнет пойти на попятную. Вот посмотрите, уже завтра они будут распинаться перед камерами и говорить, что обратиться в ваш институт было целиком и полностью их инициативой. Что, впрочем, никак не спасет меня от того, что меня нагнут и поймут по полной... Черт! Прошу прощения за мой язык... Юлали.

– Перестаньте постоянно извиняться, офицер Тёрч. Меня это раздражает. Говорите, как считаете нужным, я не чувствительная барышня XVIII века, готовая хлопнуться в об-

морок при слове «задница».

– Матиас.

– Что, простите?

– Справедливо, если вы будете звать меня Матиасом и на «ТЫ».

– Договорились.

Принесли нашу еду, и какое-то время мы просто молчали, размышляя каждый о своем. Добравшись до десерта, я решила все же продолжить разговор.

– Знаете, Матиас, я только хотела вам сказать, чтобы вы многого не ожидали от моих исследований. Судя по тому, что я увидела и уже озвучила вам, дети, скорее всего, из неблагополучных семей. Так что не факт, что их даже искали. А учитывая, что прошло столько лет, и их близкие вполне могли быть наркоманами или алкоголиками, то, возможно, их и в живых-то уже нет. К тому же я нашла на останках первого мальчика следы старых заживших травм, не упоминая уже о тех, что он получил незадолго перед смертью. Так что, думаю, его жизнь не была хорошей и до того, как он попал в лапы этому ублюдку. И это опять же говорит о том, что его судьба вряд ли взволнует его родных.

Не знаю почему, у меня все так больно сжалось при мыслях об этом несчастном безвестном мальчишке, как и других таких. Я знала, каково это – когда весь мир вокруг только и ждет возможности сначала поиметь, а потом и сожрать тебя. Только в отличие от этих мальчишек я, столкнувшись с

подобным, имела достаточно силы для сопротивления и не доверяла людям. А они были слабыми и наверняка желали довериться хоть кому-то. И это их убило. И рядом не оказалось взрослых, чьей святой обязанностью было защитить и спасти этих детей.

– Пусть так, Юлали, – сказал Матиас. – Тогда они тем более заслужили, чтобы все вокруг узнали, как они жили и почему умерли. Возможно, это заставит задуматься других и изменить свою жизнь и отношение к себе и своим детям, чтобы с ними не случилось подобного.

– Но ведь, сколько ни борись, эти ужасные вещи все равно будут случаться, – тяжело вздохнула я.

– Будут. Не спору. Но это не значит, что нужно хоть когда-то перестать с ними бороться.

Мы вышли из ресторана и неспешно шагали по улице.

– Юлали, раз мы уже на «ты», то могу я задать личный вопрос? – Прежний Матиас вернулся и теперь косился на меня лукавым взглядом.

– Если считаете, что их на сегодня было еще недостаточно, то валяйте, – сыто позволила я. – Могу поспорить, что он тот же, что и у той журналистки.

– Ну, скажем так, я точно знаю, что Северин Монтойя вам не брат.

Я тяжело вздохнула.

– Не брат.

– А кто?

– Это сложно. Давайте допустим, что просто знакомый.

– Нет, – покачал головой Матиас. – Он смотрел на вас так, как только мужчина смотрит на свою женщину.

– Что вы имеете в виду? – Не то чтобы я хотела знать, просто поддерживала разговор.

– Я имею в виду, что он не просто безумно желает обладать вами, но и готов драться и убить любого, кто посягнет на вас. Я мужчина и всегда увижу этот дикий огонь в глазах другого мужика. Это все равно, как если бы он орал: «Отвали от моего, или уничтожу!» И это тем более странно, если учитывать, что у вас есть, как я понял, постоянные отношения с совершенно другим человеком.

– Послушайте, Матиас, а давайте вы уже прямо спросите, не спала ли я с Монтойей, а я так же прямо скажу вам, что это вас никоим образом не касается, и мы закроем тему. – Я опять разозлилась не на шутку. – Или вы думаете, раз уж я изменяю своему парню с Монтойей, то вскоре, когда он свалит из города, я буду совсем не прочь переключиться на вас? Ну да, а почему бы и нет! Вы ведь так же, как и этот засранец Северин, уверены в своей охренительной неотразимости для любой женщины!

Я, вспыхнув опять, как спичка, зашагала вперед, чтобы не врезать Тёрчу.

– Юлали! Простите меня! Я совсем не это имел в виду! – догнал меня мужчина.

– А что же?

– Я просто... То есть... я хотел как раз сказать, что Монтойя не выглядит мужчиной, которым вам стоит увлекаться.

Надо же, а то я не знаю, гений.

– Вот как? И почему же?

– Он здесь ненадолго. И вокруг него всегда полно женщин, готовых сделать для него все, что угодно...

– Завидуете?

– Что? Нет! Я о вас беспокоюсь.

– Не стоит, офицер. Я большая умная девочка. – Ну да, давай, внушай себе это, Юлали, глядишь, и сама поверишь.

Мы уже дошли до крыльца института.

– Думаю, у вас достаточно дел, офицер, чтобы не тратить время на протирание стен около моей лаборатории. Когда будут результаты, я вам позвоню.

– Юлали, простите еще раз. И прошу, давайте вернемся к тому моменту, где вы называете меня Матиасом. Обещаю постараться больше не совать свой длинный нос, куда не следует, и держать свой язык при себе!

– Обещаете попытаться? Что это, по-вашему, должно значить?

– То, что я полицейский до мозга костей, и то, что вы мне сильно нравитесь. Так что возможны срывы. И вы правы, я завидую Монтойе. Но совсем не из-за всех тех девиц. Ну что, мир?

Я внимательно посмотрела на стоящего передо мной красивого мужчину, который сейчас старательно изображал

простодушного мальчишку с ослепительной улыбкой. Что же, почему бы и нет?

– Хорошо, мир. Но при двух условиях. Мы не говорим о моих отношениях с мужчинами, и вы поможете мне подобрать машину. Я ничего в этом не понимаю.

– Хм. А как же знаменитый Ти-Рекс?

– Откуда вы знаете?

– Боже, Юлали, да вы бы знали, что творится на фанатском сайте «Парящих Волков»! Какими только словами вас там не называют и каких только вариантов страшной и мучительной смерти не желают поклонницы Монтойи! Удивляюсь, как вам не икается сутки напролет! – рассмеялся Матиас.

– А вы-то на этом сайте чего лазили? Инфу обо мне искали?

– Каюсь, любопытен. Так что насчет этого легендарного внедорожника?

– Ну, когда я его последний раз видела, он был слегка не в форме. И к тому же если вы говорите, что имеет место быть такой ажиотаж, то я не собираюсь ездить на машине, из-за которой какая-нибудь чокнутая девица решит умыть меня кислотой в приступе ревности к своему кумиру.

– Ну, тогда можете рассчитывать на меня.

– До встречи, Матиас.

– Надеюсь, до скорой, Юлали.

Я вошла в вестибюль института и тут же учуяла знакомый

запах.

– Ну, и кто этот чертов смазливый засранец? – зарычал у меня практически над самым ухом Камиль.

Глава 13

Развернувшись, я увидела Нести и Камиля, прожигающих на меня недобрыми взглядами. У меня что, сегодня какой-то долбаный день встреч, а я, наивная, не в курсе? Оглянулась по сторонам в поисках Монтойи. Но помещение почти пустое, и моего личного кошмара нигде не видно.

– Его здесь нет! – сказал Камиль, по-прежнему глядя на меня так, словно я здесь главный отрицательный персонаж. Надо же, а совсем недавно был так любезен. – Но ты, смотрю, времени терять не привыкла, Лали-котеночек?

Это что еще за демонстрация недовольства?

Нести толкнул Камиля в бок и прошептал, чтобы он заткнулся. Но тот все равно сверлил меня взглядом.

– Сколько неприятностей из-за тебя! – наконец, выдал он, и я аж задохнулась от возмущения.

– Слушай, Нести, – прошипела я, – я, по-моему, достаточно четко сказала вчера, чтобы никто из вашей гребаной компании не появлялся на моем горизонте. И, между прочим, тот самый «смазливый засранец» и есть полицейский. Может, мне вернуть его и обвинить вас в преследовании?

– Полицейский не полицейский, а на твою задницу он пялился явно не с профессиональным интересом! – прорычал Камиль, а Нести опять зарядил ему локтем по ребрам, и тот неожиданно поморщился и зашипел.

Да что это такое вообще?

– Какое твое дело, куда он пялился? – взбесилась я.

– А такое! – выдал, на его взгляд, железный аргумент Камиль, снова получил тычок от Нести и в этот раз охнул в голос, прижимая руку к ребрам. – Да тише ты! Не зажило еще! – возмущается он.

Я осмотрела их обоих внимательно и обратила внимание, что оба выглядят, прямо скажем, не айс. На открытых участках кожи, под глазами и на скулах видны желтеющие следы сходящих уже гематом. Изменяющие облик очень быстро исцеляются, а тут, похоже, этих двоих кто-то хорошенько уделал не далее, как вчера вечером.

– В последний раз спрашиваю, зачем вы сюда приперлись? – сложила я руки на груди, продолжая изучать этих двоих.

– Чтобы посмотреть, как ты хвостом тут крутишь перед мужиками, пока Север там рвет и мечет! – опять влез Камиль.

– Да заткнись ты уже! – неожиданно рывкнул на него обычно спокойный Нести. – Мы и так уже из-за тебя попали!

И Камиль неожиданно уступил и даже надулся, как огромный ребенок, что, впрочем, не мешало ему прожигать меня упрекающим взглядом.

– Юлали, послушай нас, пожалуйста, – со вздохом начал Нести, собираясь с духом. – Дело в том, что в той ситуации с Дином Северин не виноват. Это все наша с Камилем тупая

спонтанная идея.

– Не вижу ничего тупого в том, чтобы перестать морочить голову хорошему парню, – пробурчал Камиль, но Нести бросил на него гневный взгляд, и он заткнулся.

– Это вас Монтойя подослал? – нахмурилась я. – Он что, всерьез полагает, что эта хрень с повинной сработает со мной?

– Ни черта он не думает, – опять у Камиля язык за зубами не держался. – Отметелил он нас и выгнал на хер! Из-за тебя! А ты тут ходишь, обжимаешься со всякими!

Я закатила глаза. Вот достал!

– Слушай, я лично тебе что плохого сделала? – посмотрела я снизу вверх на этого долговязого хама. Будто мне одного Монтойи не хватало, теперь еще и этот.

– Юлали, не злись на него, – встал между нами Нести. – Он просто из-за запаха твоего бесится.

– А что не так с моим запахом? – еще сильнее нахмурилась я.

– «Что не так с моим запахом?» – кривляясь, повторил за мной Камиль. – А то ты не знаешь, что сейчас для любого мужика пахнешь, как самое офигительно привлекательное существо во всем мире? А еще заучка!

– Дебил, это только на противоположный пол работает! – сказал Нести. – Но это правда, Юлали. Разве ты не знала, что, пока ваши гормоны пары не устаканятся полностью, и ты, и Северин сейчас просто как настоящая сексуальная приманка

для существ противоположного пола?

Я невольно принялась к себе. И вспомнила некоторые события последних дней. Хотя я почти ни с кем не общаюсь, вся моя жизнь – это лаборатория и дом, я заметила, что ловлю на себе взгляды мужчин чаще, чем обычно. Студенты, паренек в магазине, в котором я постоянно покупаю продукты, даже водитель такси сегодня. Все они были... ну, скажем так, необычно оживленными и непривычно общительными. Так что, возможно, в словах Нести есть смысл. Скорее всего, этот природный механизм был направлен на то, чтобы как можно крепче связать пару, делая неотразимыми друг для друга. Ведь раньше связавшаяся пара уединялась на некоторое время, пока не успокаивались первичные страсти. Но так как мы с Монтойей продолжали находиться в обществе, то вполне возможно, что эти флюиды действовали на всех существ противоположного пола. А значит, и интерес Матиаса, который удивляет его самого, вполне объясним. И никакой романтики тут нет. Одна голая физиология. И это значит, что Монтойю сейчас осаждают девицы, желающие поиметь его больше всего в жизни. Хотя не то чтобы это отличалось от его обычной жизни. А еще это значит, что, спустя какое-то время, окружающие меня существа противоположного пола успокоятся. И возможно, и Монтойю перестанет тянуть ко мне так сильно. И мне ведь плевать на это? Конечно, наплевать. Но почему-то мысль о том, что Северин может стать абсолютно безразличным ко мне, неприятно царапала что-

то внутри. Хотя это бы решило все наши с ним проблемы. И все же...

Но в данный момент это не главный вопрос.

– Я все еще хочу знать, зачем вы оба явились сюда?

– Юлали, это мы вчера подстроили так, чтобы Дин увидел тебя с Северином, – решительно выпалил Камиль.

Я вздохнула и почувствовала себя не злой, а безмерно усталой.

– Ну, и зачем вы это сделали?

– Дин – хороший парень, – заявил он. – И с твоей стороны нечестно и жестоко давать ему надежду, тогда как твое будущее теперь навсегда связано с Северином.

– Ну да, поступить так, как вы сделали, это было гораздо честнее и гуманнее.

– Нет. Это вышло охренеть как плохо. И поэтому мы тут, чтобы извиниться.

– Передо мной? А как насчет Дина?

– Мы пытались, но он уехал из города. – Я почувствовала новый сильный импульс боли. – Но ты постарайся понять нас, Юлали. Север не просто наш Альфа. Он наш друг, наш брат, и нам тяжело смотреть, насколько ему паршиво. Только поэтому мы решили, что нужно поступить так.

Ну да, истинно мужская манера разруливать проблемы. Одним решительным ударом.

– Вы что, решили, что я какая-то овца безмозглая, и если вы уберете с дороги Дина, то я автоматически перейду в

собственность Монтойи, улыбаясь, как счастливая идиотка?

– Плохой план, – смущенно опустил глаза Нести.

– Да тупейший! – взорвалась я. – За кого вы меня держите? За одну из тех девиц, которые с радостным визгом таскаются за вами повсюду?

– Извини, – пробормотал Камиль.

Да что за день долбанных извинений у меня сегодня?! Я выдохнула и посмотрела на пристыженных мужчин опять.

– Ну, и что Северин сказал вам по поводу вашего гениального плана, после того как подправил мордашки? – поинтересовалась я.

– Он выгнал нас, Юлали.

– Что значит выгнал?

– Это значит – совсем.

Ничего себе. Изгнание из стаи – это худшее, что может случиться с Изменяющим облик. Насколько же должен быть зол Монтойя, чтобы вышвырнуть двух своих ближайших друзей?

– Не может быть, – сказала я.

– Очень даже может. Мы уезжаем. Заехали к тебе извиниться и попроситься.

Я неожиданно почувствовала совершенно немотивированный стыд, глядя на растерянные и несчастные лица двух здоровых мужиков.

– Короче, извини нас, если можешь, Лали-детка, – подвел черту Камиль. – Поедем мы.

– Так, стоять! – неожиданно даже для самой себя скомандовала я, и с удивлением ощутила вибрации силы, что исходят от моей волчицы и буквально прищипливают мужчин к месту.

– Ого! – удивленно охнул Нести.

– Вы оба сейчас заселитесь в какую-нибудь гостиницу. Я поговорю с Монтойей, и он позволит вам вернуться.

– С чего бы? – насмешливо спросил Камиль, но натолкнулся на мой взгляд. – Хотя, конечно. В любом случае спасибо, что простила.

– Я не прощала вас. Влезете еще раз в наши с Монтойей разборки – и тогда, правда, пожалеете.

Нести подошел вплотную ко мне.

– Юлали, не знаю, что мешает тебе подпустить Севера чуть ближе...

Ага, его раздутое эго, так, для справки.

– ... Но он хороший парень. Знаешь, может, мы со стороны и смотримся какими-то козлами, но, блин, пойми нас, Юлали. Мы все родом из одной стаи из Канадской глубинки. Одни хреновы леса и пастбища кругом. И все, что нам светило, – это пахать от зари до зари, поддерживая семейный бизнес. А Север дал нам другую жизнь. Поверил сам и повел нас за собой. Позволил нам стать кем-то другим, не тем, кем нас видели наши отцы и матери, распланировав наше будущее изо дня в день до самой смерти. И теперь мы те, кто есть. Благодаря ему. Он не плохой. А то, что к женщинам он

относится немного...

– Много, Нести, – поправила я.

– Это наносное, Юлали, неужели ты не видишь? Черт, уже пять лет женщины вешаются на нас по всему миру, предлагая все что угодно. Мы же парни, Юлали! Нам что, отмахиваться от них и читать лекции о том, что нельзя так разбазаривать свое тело и позволять откровенно пользоваться собой, если их этому родители не научили?

– О нет, конечно, мальчики! – насмешливо сказала я. – Но ты не понимаешь главного, Нести. Дело не в бабах, виснувших на нем повсюду. Дело в том, что мы вообще разные. Абсолютно. Интересы, интеллект, образ жизни. Моя жизнь здесь, и она меня устраивает, я ее люблю и не хочу менять ее ни ради мужчины, ни ради чего бы то ни было. Его же жизнь – это вечное путешествие по всему миру и бесконечное шоу и праздник! У нас нет даже малейших точек соприкосновения.

– Вот как? – подал голос Камиль. – А мне так показалось, что их больше, чем достаточно, когда я слышал, как ты кричишь, кончая под ним.

– Это не в счет! – разозлилась я на этого нахала.

– Но это может быть, мать его, началом! – яростно возразил он. – Ты же даже не хочешь и пытаться!

– Отношения не работают так! На расстоянии и основываясь только на сексе! – досадливо махнула я руками.

На самом деле я не очень знаю, как они работают. В этом

я не специалист.

– Если не пытаться, они вообще никак не работают! Я знаю кучу пар, что умудряются любить друг друга даже на расстоянии! – упрямился Камиль.

– Но мы-то не любим друг друга, мы просто связаны, крестин! – вышла я из себя.

Камиль набрал воздуха, чтобы возразить мне, но потом сдулся и, пробормотав Нести: «Я тебя лучше в машине подожду», – он ушел.

Нести грустно вздохнул.

– Юлали, ведь ты могла бы попробовать? – просительно заглянул он мне в глаза.

– А за неудачную попытку я должна буду потом расплатиться собственным сердцем, Нести?

– Но ведь риск обоюдный, – возразил он.

Я вспомнила Монтойю и всех этих выющихся вокруг него девиц.

– А вот это вряд ли.

И ушла, не прощаясь.

Остаток дня я сканировала череп первого ребенка, чтобы запустить программу виртуальной реконструкции лица, и вносила поправки с учетом возраста и личностных и расовых особенностей. Одновременно я обследовала останки, регистрируя все повреждения прижизненные и посмертные, и ощущала, как с каждой минутой боль и сожаление все больше наваливаются на меня, сжимая тисками голову и запол-

няя внутренности кашей из ледяных осколков, что, кажется, режут меня изнутри невыносимой жалостью. Я видела столько человеческих останков, читая по ним, как по раскрытой книге, как эти люди жили и как умерли. Никогда я не позволяла себе чувствовать что-то, кроме сухого профессионального интереса. Но перебирая тонкие косточки этого мальчика и фиксируя всю ту боль, что случилась в его короткой жизни, я чувствовала себя все более и более разбитой, и казалось, каждый новый обнаруженный мною костный нарост, говорящий о зажившем переломе, трещине или сильнейшем ушибе, отзывался в моем собственном теле нудящей болью. Потому что я знаю, как это больно, когда тебя бьют так сильно, что твои кости не могут это выдержать, а ты слишком мал и слаб, чтобы защититься и дать сдачи. Но в отличие от меня, у этого малыша не было повышенной регенерации, что позволяет исцелиться за пару дней.

Как так вышло вообще? Ведь у этого мальчика наверняка была семья, родители, и это их священной обязанностью было беречь его, защищать от всего мира до того момента, пока он смог бы делать это сам. Но они не справились. А может, даже не захотели это делать. Оставили его один на один со всей жестокостью вокруг, и в итоге я стою, склонившись над ним, и перечисляю в диктофон длинный список его повреждений.

Да, такие вещи случаются. Всегда случались, и, как ни прискорбно, наверное, всегда будут случаться, пока челове-

чество не найдет способ выявлять подобное до того, как кто-то пострадает или погибнет. Но от того, что я осознаю реальное положение вещей, мне не становится менее больно, и огромная тяжесть не перестает давить мне на плечи. Вот поэтому я и не хочу детей. Нет, я бы никогда не причинила боли своему родному существу и не позволила бы никому, скорее умерла бы. Но жизнь такова, что мы не можем предусмотреть все, и в ней есть тьма, от которой иногда невозможно защититься. Что, если не справлюсь? Как родители этого мальчика? Как мои собственные родители.

Голова разболелась нещадно, и я решила, наверное, впервые за все время уйти пораньше, чем немало удивила своих ассистенток. Я обещала Нести и Камиллю поговорить с Северином. Но сегодня у меня не было на это сил. Да и он наверняка готовится к вечернему шоу или кувыркается с одной из этих крашенных... Неважно. Короче, ему сто процентов не до меня вечером. Позвоню утром. Боль сжала виски, и, стиснув зубы, я надавила на них. Когда у меня последний раз болела голова?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.